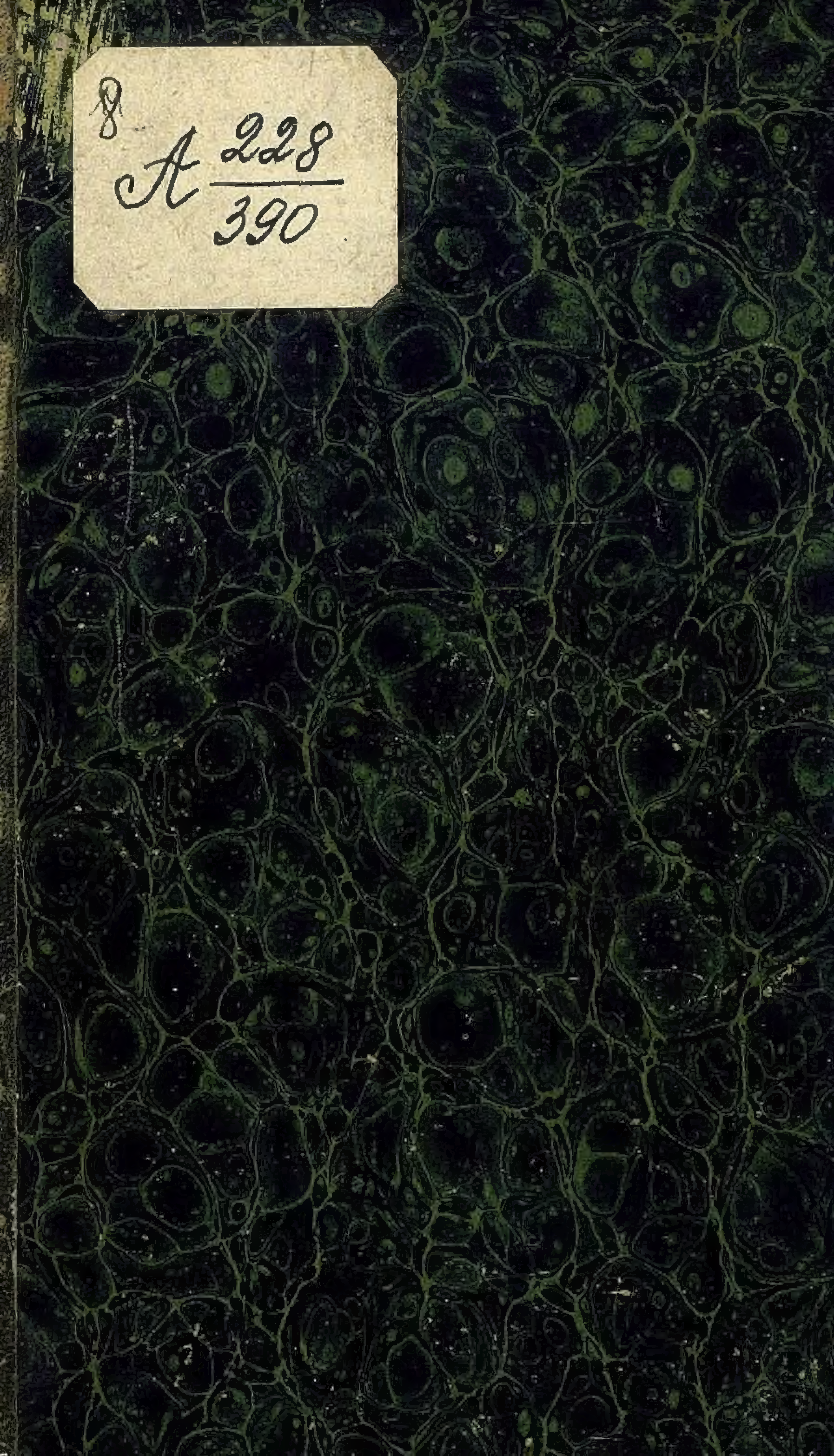
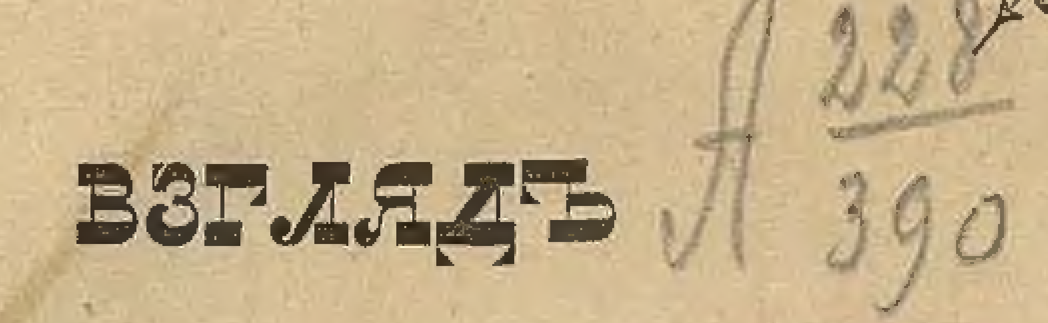

8
A 228/390

ВЗГЛЯДЪ

НА

ИСТОРІЮ УСТАНОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННАГО ПОРЯДКА ВЪ РОССІИ

ДО

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ

Профессора С. Соловьева.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1852.

ВЗГЛЯДЪ

НА

ИСТОРІЮ УСТАНОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННАГО ПОРЯДКА ВЪ РОССІИ

ДО

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ

Профессора С. Соловьева.

Чтеніе первое.

Если къ каждому частному человѣку можно обратиться съ вопросомъ: «скажи намъ, съ кѣмъты знакомъ, и мы скажемъ тебѣ, кто ты таковъ,»— то къ цѣлому народу можно обратиться съ слѣдующими словами: «разскажи намъ свою исторію, и мы скажемъ тебѣ, кто ты таковъ.»—Въ настоящее время, когда у насъ обнаружилась такая сильная потребность познать свое прошедшее, познать, кто мы таковы, я не рѣшился занять ваше вниманіе, М. М. Г. Г. изложеніемъ событій внѣшней отечественной исторіи, но счелъ болѣе приличнымъ представить въ сжатомъ очеркѣ важнѣйшую сторону нашей внутренней исторіи, именно постепенное установленіе государственнаго порядка, или, какъ выражались наши предки, наряда въ русской землѣ.

Гдѣ, при какихъ природныхъ вліяніяхъ дѣйствовалъ народъ, и съ какими чужими народами и государствами изначала и преимущестенно долженъ былъ имѣть дѣло—вотъ первые вопросы въ исторіи каждаго народа.

За долго до начала нашего лѣтосчисленія знаменитый Грекъ, котораго зовутъ отцемъ исторіи, посѣтилъ нынѣшнюю южную Россію: вѣрнымъ взглядомъ взгля-

нулъ онъ на страну, на племена, въ ней живщія, и записалъ въ своей безсмертной книгѣ, что племена эти ведутъ образъ жизни, какой указала имъ природа страны. Прошло много вѣковъ, нѣсколько разъ племена смѣнились одни другими, образовалось могущественное государство; но явленіе, замѣченное Геродотомъ, остается по прежнему въ силѣ: ходъ событій постоянно подчиняется природнымъ условіямъ.

Передъ нами обширная равнина: на огромномъ разстояніи отъ Бѣлаго моря до Чернаго и отъ Балтійскаго до Каспійскаго путешественникъ не встрѣтитъ никакихъ, сколько-нибудь значительныхъ возвышеній, не замѣтитъ рѣзкихъ переходовъ. Однообразіе природныхъ формъ ослабляетъ областныя привязанности, ведетъ народонаселеніе къ однообразнымъ занятіямъ; однообразность занятій производитъ однообразіе въ обычаяхъ, нравахъ, вѣрованіяхъ; одинаковость нравовъ, обычаевъ и вѣрованій исключаетъ враждебныя столкновенія; одинакія потребности указываютъ одинакія средства къ ихъ удовлетворенію,—и равнина, какъ бы ни была обширна, какъ бы ни было въ началѣ разноплеменно ея населеніе, рано или поздо станетъ областью одного государства: отсюда понятна обширность русской государственной области, однообразіе частей и крѣпкая связь между ними.

Однообразна природа великой восточной равнины, не поразитъ она путешественника чудесами; одно только поразило въ ней наблюдательнаго Геродота: «Въ Скиѳіи, говоритъ онъ, нѣтъ ничего удивительнаго, кромѣ рѣкъ, ее орошающихъ: онѣ велики и многочисленны.» Въ самомъ дѣлѣ, обширному пространству древней Скиѳіи соотвѣтствуютъ исполинскія системы рѣкъ,

которыя почти переплетаются между собою, и составляютъ такимъ образомъ по всей странѣ водную сѣть, изъ которой народонаселенію трудно было высвободиться для особной жизни. Какъ вездѣ, такъ и у насъ рѣки служили проводницами первому народонаселенію, по нимъ сѣли племена, на нихъ явились первые города; такъ какъ самыя большія изъ нихъ текутъ на востокъ или юго-востокъ, то этимъ условилось и преимущественное распространеніе русской государственной области въ означенную сторону; рѣки много содѣйствовали единству народному и государственному, и при всемъ томъ особыя рѣчныя системы опредѣляли въ началѣ особыя системы областей, княжествъ. Такъ по четыремъ главнымъ рѣчнымъ системамъ русская земля раздѣлялась въ древности на четыре главныя части: первую составляла озерная область Новгородская, вторую область Западной Двины, т. е. область Кривская, или Полоцкая, третью область Днѣпра, т. е. область древней собственной Руси, четвертую область верхней Волги, область Ростовская.

Великая равнина открыта на юговостокъ, соприкасается непосредственно съ степями средней Азіи: толпы кочевыхъ народовъ съ незапамятныхъ поръ проходятъ въ широкіе ворота между Уральскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ, и занимаютъ привольныя для нихъ страны въ низовьяхъ Волги, Дона и Днѣпра; древняя исторія видитъ ихъ здѣсь постоянно господствующими. Какъ на ясной памяти исторіи въ нынѣшней южной Россіи господство одного кочеваго народа смѣнялось господствомъ другаго, жившаго далѣе на востокъ, такъ и въ древнія времена господство Скиѳовъ смѣнилось господствомъ Сарматовъ; но отъ этой перемѣны исторія столь-

же мало выигрывала, какъ отъ смѣны Печенѣговъ Половцами; перемѣнились имена, отношенія остались прежнія, потому что бытъ народовъ, смѣнявшихъ другъ друга, былъ одинакій. Ясное понятіе объ этомъ бытѣ, противоположности его съ бытомъ историческихъ народовъ можетъ дать намъ преданіе о походѣ Персидскаго царя Дарія Истаспа въ Скиѳію. Скиѳы не встрѣтили полчищъ Персидскихъ; но стали удаляться въ глубь страны, засыпая на пути колодцы, источники, истребляя всякое произрастеніе; Персы начали кружить за ними. Утомленный безплодною погонею, Дарій наконецъ послалъ сказать Скиѳскому царю: «странный человѣкъ! за чѣмъ ты бѣжишь все дальше и дальше? Если чувствуешь себя въ силахъ сопротивляться мнѣ, то стой и бейся; если же нѣтъ, то остановись, поднеси своему повелителю въ даръ землю и воду, и вступи съ нимъ въ разговоръ.» Скиѳъ отвѣчалъ: «никогда еще ни передъ однимъ человѣкомъ не бѣгалъ я изъ страха; не побѣгу и передъ тобою: что дѣлаю я теперь, то привыкъ дѣлать и во время мира; а почему не бьюсь съ тобою, тому вотъ причины: у насъ нѣтъ ни городовъ, ни хлѣбныхъ полей, и потому намъ нечего биться съ вами изъ страха, что вы ихъ завоюете, или истребите. Но у насъ есть отцовскія могилы; попробуйте ихъ раззорить, такъ узнаете, будемъ ли мы съ вами биться или нѣтъ.» — Одни кости мертвецовъ привязывали Скиѳа къ странѣ, и ничего, кромѣ могилъ, не оставилъ онъ въ историческое наслѣдіе племенамъ грядущимъ.

У береговъ Понта, при устьяхъ большихъ рѣкъ Греческіе города построили свои колоніи для выгодной торговли съ варварами. Можно видѣть любопытную картину быта греческихъ колонистовъ въ разсказѣ Діона

Хризостома, который въ одной изъ колоній, именно въ Ольвіи, искалъ убѣжища отъ преслѣдованій Домиціана. Когда жители Ольвіи увидали заморскаго оратора, то съ греческою жадностію бросились послушать его рѣчей: старики, начальники усѣлись на ступеняхъ Юпитерова храма, толпа стояла съ напряженнымъ вниманіемъ. Діонъ восхищался античнымъ видомъ своихъ слушателей, которые всѣ, подобно Грекамъ Гомера, были съ длинными волосами и длинными бородами; но всѣ они были также вооружены: наканунѣ толпа варваровъ показалась передъ городомъ; и въ то время, когда Діонъ произносилъ свою рѣчь, городскіе ворота были заперты, и на укрѣпленіяхъ развѣвалось военное знамя; когда же нужно было выступать противъ варваровъ, то въ рядахъ колонистовъ раздавались стихи Иліады, которую почти всѣ Ольвіополиты знали наизусть. Быть можетъ, спросятъ: не производили ли эти греческія колоніи хотя медленнаго, но замѣтнаго въ исторіи вліянія на бытъ окружныхъ варваровъ? Извѣстія древнихъ показываютъ между Скиѳами людей царскаго происхожденія, обольщенныхъ красотою греческихъ женщинъ и прелестями греческой цивилизаціи: они строятъ себѣ великолѣпные мраморные дворцы въ колоніяхъ, даже ѣздятъ учиться въ Грецію, но гибнутъ отъ рукъ единородцевъ своихъ, какъ отступники отеческаго обычая. Вторженіе Персовъ въ Скиѳію не произвело ничего, кромѣ ускореннаго движенія ея обитателей; попытки Митридата возбудить востокъ, міръ варваровъ противъ Рима, остались также тщетными. Движенія изъ Азіи не могли возбудить исторической жизни въ странахъ Понтійскихъ. Но вотъ слышится преданіе о противополож-

номъ движеніи, съ запада, изъ Европы, о движеніи племенъ, давшихъ странѣ исторію, племенъ Славянскихъ.

Славянское племя не помнитъ о своемъ приходѣ изъ Азіи, о вождѣ, который вывелъ его оттуда; но оно сохранило преданіе о своемъ первоначальномъ пребываніи на берегахъ Дуная, о движеніи оттуда на сѣверъ, и потомъ о вторичномъ движеніи на сѣверъ и востокъ въ слѣдствіе натиска отъ какого-то сильнаго врага. Это преданіе заключаетъ въ себѣ фактъ, не подлежащій сомнѣнію: древнее пребываніе Славянъ въ придунайскихъ странахъ оставило ясные слѣды въ мѣстныхъ названіяхъ; сильныхъ враговъ у Славянъ на Дунаѣ было много: съ запада Кельты, съ сѣвера Германцы, съ юга Римляне, съ востока азіатскія орды; только на сѣверо-востокъ открытъ былъ свободный путь, только на сѣверовостокѣ Славянское племя могло найти себѣ убѣжище, гдѣ хотя не безъ сильныхъ препятствій, успѣло основать государство и укрѣпить его въ уединеніи, вдалекѣ отъ сильныхъ вліяній и натисковъ запада, до тѣхъ поръ пока оно, собравши силы, могло уже безъ опасенія за свою независимость выступить на поприще, и обнаружить, съ своей стороны, вліяніе и на востокъ и на западъ.

Краткія, но ясныя указанія на бытъ Славянъ впервые встрѣчаемъ у Тацита: сравнивая Славянъ съ народами Европейскими и Азіатскими, осѣдлыми и кочевыми, среди которыхъ они жили, Тацитъ говоритъ, что ихъ должно отнести къ первымъ, потому что они строятъ домы, носятъ щиты и сражаются пѣши; все это, продолжаетъ Тацитъ, совершенно отлично отъ Сарматовъ, живущихъ въ кибиткѣ и на лошади. Такимъ об-

разомъ первое достовѣрное извѣстіе о бытѣ Славянъ представляетъ ихъ намъ народомъ осѣдлымъ, рѣзко отличнымъ отъ кочевниковъ; въ первый разъ Славянинъ выводится на историческую сцену въ видѣ Европейскаго воина, пѣшъ и со щитомъ. Такое-то племя явилось въ областяхъ нынѣшней Россіи, и разселилось на огромныхъ пространствахъ, преимущественно по берегамъ большихъ рѣкъ. Славяне жили особыми родами: «Каждый жилъ съ родомъ своимъ, на своемъ мѣстѣ, и владѣлъ родомъ своимъ,» говоритъ нашъ древній лѣтописецъ. Когда умиралъ Князь, старшина, глава рода, то мѣсто его заступалъ старшій сынъ, который былъ для младшихъ братьевъ вмѣсто отца; по смерти послѣдняго, старшиною рода становился слѣдующій за нимъ братъ и такъ далѣе, всегда старшій въ цѣломъ родѣ; такимъ образомъ старшинство не переходило отъ отца прямо къ сыну, не было исключительнымъ достояніемъ одной линіи, но каждый членъ рода имѣлъ право, въ свою очередь, получить его. Легко понять, что при такомъ порядкѣ вещей тишина и согласіе внутри родовъ не могли долго сохраняться. Связь между членами общества была только чисто родовая, и слабѣла тѣмъ болѣе, отношенія становились тѣмъ неопредѣленнѣе, чѣмъ въ отдаленнѣйшихъ степеняхъ родства находился старшина къ остальнымъ членамъ рода; чѣмъ болѣе размножались и расходились родовыя линіи, тѣмъ запутаннѣе и спорнѣе становились права на старшинство: отсюда необходимо проистекали несогласія, усобицы; при столкновеніяхъ отдѣльныхъ родовъ дѣла также съ трудомъ могли рѣшаться миролюбиво, потому что каждый родъ, старшина каждаго рода долженъ былъ блюсти честь и выгоды послѣдняго, и

не уступать другимъ: отсюда необходимо также возстаніе рода на родъ, о чемъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ. Чтобъ возстановить согласіе, единство, нарядъ между родами, единственнымъ средствомъ было отдать рѣшеніе родовыхъ споровъ судьѣ безпристрастному, призвать Князя-нарядника изъ чужа, изъ чужаго рода: такъ и сдѣлали нѣсколько сѣверныхъ племенъ — Славянскихъ и Финскихъ, чѣмъ и положили начало Русскому государству въ половинѣ IX вѣка.

Прежде нежели обратимся къ слѣдствіямъ этого великаго событія, бросимъ взглядъ на состояніе другихъ Европейскихъ народовъ въ означенное время. Въ другихъ странахъ Европы въ половинѣ IX вѣка происходили явленія также великой важности. Знаменитая роль Франкскаго племени и вождей его кончилась въ началѣ IX вѣка, когда оружіемъ Карла великаго политическія идеи Рима и Римская церковь покорили себѣ окончательно варварскій міръ, и вождь Франковъ былъ провозглашенъ Императоромъ Римскимъ. Духовное единство западной Европы было скрѣплено окончательно, съ помощію Рима; теперь выступало на сцену другое, новое начало, принесенное варварами, Германцами на почву Имперіи, теперь начинается матеріальное распаденіе Карловой монархіи, начинаютъ выработываться отдѣльныя государства, члены западно-европейской конфедераціи; IX-й вѣкъ былъ вѣкомъ образованія государствъ какъ для восточной, такъ и для западной Европы, вѣкомъ великихъ историческихъ опредѣленій, которыя дѣйствуютъ во все продолженіе новой Европейской исторіи, дѣйствуютъ до сихъ поръ. Въ то время, когда на западѣ совершается трудный, болѣзненный процессъ разложенія Карловой монархіи и образованія новыхъ го-

сударствъ, новыхъ національностей, Скандинавія, эта старинная колыбель народовъ, высылаетъ многочисленныя толпы своихъ пиратовъ, которымъ нѣтъ мѣста на родной землѣ; но континентъ уже занятъ, Скандинавамъ нѣтъ болѣе возможности двигаться къ югу сухимъ путемъ, какъ двигались ихъ предшественники, имъ открыто только море, они должны довольствоваться грабежами, опустошеніемъ морскихъ и рѣчныхъ береговъ. Въ Византіи происходитъ также важное явленіе: богословскіе споры, волновавшіе ее до сихъ поръ, прекращаются; въ 842 году, въ годъ восшествія на престолъ Императора Михаила, съ котораго нашъ лѣтописецъ начинаетъ свое лѣтосчисленіе, созванъ былъ послѣдній седьмой вселенскій соборъ для окончательнаго утвержденія догмата, какъ будто бы для того, чтобъ этотъ окончательно установленный догматъ передать славянскимъ народамъ, среди которыхъ въ тоже самое время начинаетъ распространяться христіанство; тогдаже, въ помощь этому распространенію, является переводъ св. Писанія на славянскій языкъ, благодаря святой ревности Кирилла и Меѳодія. По слѣдамъ знаменитыхъ братьевъ обратимся къ нашимъ западнымъ и южнымъ соплеменникамъ, судьбы которыхъ должны обратить на себя наше особенное вниманіе. По своему положенію, западные Славяне должны были съ самаго начала войти во враждебныя столкновенія съ Германцами, сперва съ Турингами, а потомъ съ Франками. У послѣднихъ Карловинги смѣнили Меровинговъ. Германскія племена соединились въ одну массу; духъ единства, принятый Германскими вождями на старинной почвѣ римской Имперіи, не переставалъ одушевлять ихъ, руководить ихъ поступками; потомокъ Геристаля принялъ

титулъ римскаго Императора; располагая силами западной Европы, Карлъ Великій двинулся на восточную съ проповѣдію римскихъ началъ, единства политическаго и религіознаго. Чтоже могла противопоставить ему восточная Европа? Народы, жившіе въ простотѣ первоначальнаго быта, разрозненные и враждебные другъ другу. Легко было предвидѣть, что новый Цезарь получитъ такіе же успѣхи надъ младенчествующими народами восточной Европы, какіе старый Цезарь получилъ нѣкогда при покореніи варварскаго народонаселенія Европы западной. По смерти Карла Великаго, преемники его уже не могли съ такимъ постоянствомъ и силою дѣйствовать противъ Славянъ, и между послѣдними видимъ стремленіе къ самостоятельности, чѣмъ особенно отличаются князья моравскіе. Но эти князья должны были понимать, что для независимаго состоянія славянскаго государства прежде всего была необходима независимая славянская церковь; что съ нѣмецкимъ духовенствомъ нельзя было и думать о народной и государственной независимости Славянъ; что съ латинскимъ богослуженіемъ христіанство не могло принести пользы народу, который понималъ новую вѣру только съ внѣшней, обрядовой стороны, и, разумѣется, не могъ не чуждаться ея. Вотъ почему князья Моравскіе должны были обратиться къ Византійскому двору, который могъ прислать въ Моравію славянскихъ проповѣдниковъ, учившихъ на славянскомъ языкѣ, могшихъ устроить славянское богослуженіе и основать независимую славянскую церковь; близкій и недавній примѣръ Болгаріи долженъ былъ указать Моравскимъ князьямъ на этотъ путь. Со стороны Византіи нечего было опасаться притязаній, подобныхъ Германскимъ: она была слиш-

комъ слаба для этого,—и вотъ изъ Моравіи отправляется въ Константинополь посольство съ просьбою о славянскихъ учителяхъ; просьба исполнена: знаменитые братья Кириллъ и Меѳодій распространяютъ славянское богослуженіе въ Моравіи и Панноніи. Но не западнымъ Славянамъ суждено было основать среди себя независимую славянскую церковь: въ послѣднее десятилѣтіе IX-го вѣка на границахъ славянскаго міра явились Венгры. Политика дворовъ—Византійскаго и Нѣмецкаго съ самаго начала обратила этотъ народъ въ орудіе противъ Славянъ: Греки обратили ихъ противъ Болгаръ, Нѣмцы противъ моравской державы. Къ несчастію для послѣдней въ 894 году умеръ знаменитый князь ея Святополкъ, въ то время, когда западнымъ Славянамъ нужно было сосредоточить всѣ свои силы для отпора двумъ могущественнымъ врагамъ — Нѣмцамъ и Венграмъ; моравскія владѣнія раздѣлились на части между сыновьями Святополка; вражда послѣднихъ погубила страну, которая стала добычею Венгровъ. Разрушеніе Моравской державы и основаніе Венгерскаго государства въ Панноніи имѣли важныя слѣдствія для славянскаго міра: Славяне южные были отдѣлены отъ сѣверныхъ; уничтожено было центральное владѣніе, которое начало было соединять ихъ, гдѣ произошло столкновеніе, загорѣлась сильная борьба между востокомъ и западомъ, между Германскимъ и Славянскимъ племенемъ, гдѣ, съ помощію Византіи, основалась Славянская церковь; теперь Моравія пала, и связь Славянъ съ югомъ, съ Греціею рушилась; Венгры стали между ними. Славянская церковь не могла утвердиться еще, какъ была постигнута бурею, отторгнута отъ Византіи, которая одна могла дать ей питаніе и укрѣпленіе. Та-

кимъ образомъ съ уничтоженіемъ самой крѣпкой связи съ востокомъ, самой крѣпкой основы народной самостоятельности, западные Славяне должны были по необходимости примкнуть къ западному римско-германскому міру и въ церковномъ и въ политическомъ отношеніи. Самостоятельное славянское государство могло образоваться и окрѣпнуть только на отдаленномъ востокѣ, куда не достигали западныя вліянія, ни матеріальныя, ни духовныя. Къ судьбѣ этого-то государства мы теперь и обратимся.

Мы видѣли, какъ среди сѣверныхъ племенъ явился князь, призванный для установленія наряда въ землѣ, взолнованной родовыми усобицами. Установленіе наряда среди племенъ, сосредоточеніе ихъ около одного правительственнаго начала, дало имъ силу; этою силою сѣверныхъ объединенныхъ племенъ князья пользуются для того, чтобъ подчинить себѣ, сосредоточить подъ своею властію и остальныя племена, обитавшія въ нынѣшней средней и южной Россіи. Теперь предстоитъ намъ вопросъ: въ какихъ же отношеніяхъ нашелся князь къ племенамъ, призвавшимъ его и къ подчинившимся въ послѣдствіи? Для рѣшенія этого вопроса должно обратиться къ понятіямъ племенъ, призвавшихъ власть. Лѣтописецъ прямо даетъ знать, что нѣсколько отдѣльныхъ родовъ, поселившись вмѣстѣ, не имѣли возможности жить общею жизнію въ слѣдствіе усобицъ; нужно было постороннее начало, которое условило бы возможность связи между ними, возможность жить вмѣстѣ; племена знали по опыту, что миръ, нарядъ возможенъ только тогда, когда всѣ живущіе вмѣстѣ составляютъ одинъ родъ, съ однимъ общимъ родоначальникомъ; и вотъ они хотятъ возстановить это прежнее единство,

хотятъ, чтобъ всѣ роды соединились подъ однимъ общимъ старшиною, княземъ, который ко всѣмъ родамъ былъ бы одинаковъ, чего можно было достичь только тогда, когда этотъ старшина, Князь не принадлежалъ ни къ одному роду, былъ изъ чужаго рода. Они призвали Князя, не имѣя возможности съ этимъ имснемъ соединять какое либо другое новое значеніе, кромѣ значенія родоначальника, старшаго въ родѣ. Изъ этого значенія Князя уяснится намъ кругъ его власти, его отношенія къ призвавшимъ племенамъ. Князь долженъ былъ княжить и владѣть по буквальному смыслу лѣтописи; онъ думалъ и гадалъ о своемъ владѣніи, какъ старшина о своемъ родѣ, думалъ о строѣ земскомъ, о ратяхъ, объ уставѣ земскомъ; вождь на войнѣ, онъ былъ судьею во время мира; онъ наказывалъ преступниковъ; его дворъ—мѣсто суда, его слуги—исполнители судебныхъ приговоровъ; всякая перемѣна, всякій новый уставъ проистекалъ отъ него. Но если кругъ власти призваннаго Князя былъ такой же, какой былъ кругъ власти прежняго родоначальника, то въ первое время на отношеніяхъ Князя къ племенамъ отражалась еще вся неопредѣленность прежнихъ родовыхъ отношеній, которой слѣдствія и постепенное исчезновеніе мы увидимъ послѣ; теперь же мы должны обратиться къ вопросу первой важности, а именно, что́ стало съ прежними родоначальниками, прежними старшинами, Князьями племенъ? Удержали ли они прежнее значеніе относительно своихъ родовъ, и, окруживъ новаго Князя изъ чужаго рода, составили высшее сословіе, боярство съ важнымъ земскимъ значеніемъ, съ могущественнымъ вліяніемъ на остальное народонаселеніе? Соединеніе многихъ родовъ въ одно тѣло, съ однимъ общимъ Княземъ

во главѣ, необходимо должно было поколебать значенiе прежнихъ старшинъ, родоначальниковъ; прежняя тѣсная связь всѣхъ родичей подъ властiю одного старшины не была уже теперь болѣе необходима въ присутствiи другой высшей, общей власти. Само собою разумѣется, что это пониженiе власти прежнихъ родоначальниковъ происходило постепенно: мы еще видимъ нѣкоторое время старцевъ, участвующихъ въ совѣтахъ Князя, прежде нежели явились всеобщiе совѣты, или вѣча; но общественная жизнь, получая все большее и большее развитiе, условливала распаденiе родовъ на отдѣльныя семьи, при чемъ прежнее представительное значенiе старшихъ въ цѣломъ родѣ должно было мало по малу исчезать. Тѣ изслѣдователи, которые предполагаютъ долговременное существованiе прежнихъ славянскихъ князей или родоначальниковъ, и тѣ, которые предполагаютъ переходъ этихъ старшинъ въ бояръ съ земскимъ значенiемъ, забываютъ, что родовой бытъ славянскихъ племенъ сохранился при своихъ первоначальныхъ формахъ, не переходя въ бытъ клановъ, гдѣ старшинство было уже наслѣдственно въ одной линiи, переходило отъ отца къ сыну; тогда какъ у нашихъ Славянъ Князь долженствовалъ быть старшимъ въ цѣломъ родѣ, всѣ линiи рода были равны относительно старшинства, каждый членъ каждой линiи могъ быть старшимъ въ цѣломъ родѣ, смотря по своему физическому старшинству: слѣдовательно, одна какая-нибудь линiя не могла выдвинуться впередъ предъ другими, какъ скоро родовая связь между ними рушилась; никогда линiя не могла получить бóльшаго значенiя по своему богатству, потому что при родовой связи имѣнiе было общее; какъ же скоро эта связь рушилась, то имущество раздѣлялось поровну

между равными въ правахъ своихъ линіями; ясно слѣдовательно, что боярскіе роды не могли произойти отъ прежнихъ славянскихъ старшинъ, родоначальниковъ, по ненаслѣдственности этого званія въ одной линіи. Изъ этого ясно видно, что бояре нашихъ первыхъ князей не происходили отъ старинныхъ родоначальниковъ, но имѣли происхожденіе дружинное.

Таково было значеніе князя, таковы были отношенія его къ подчиненному народонаселенію. Само собою разумѣется, что эти отношенія установлялись не вдругъ, но постепенно, у однихъ племенъ прежде, у другихъ послѣ: прежде у племенъ участвовавшихъ въ призваніи Князя, послѣ у племенъ подчинившихся позднѣе преемникамъ Рюрика, и болѣе отдаленныхъ отъ главнаго мѣста дѣйствія, т. е. отъ воднаго пути между Новгородомъ и Кіевомъ. Не вдругъ, но мало по малу обнаруживались и перемѣны въ быту племенъ, въ слѣдствіе подчиненія ихъ одной общей власти: дань, за которою самъ Князь ходилъ, была первоначальнымъ видомъ этого подчиненія, связи съ другими соподчиненными племенами. Но при такомъ видѣ подчиненности сознаніе объ этой связи, разумѣется, было еще очень слабо. Гораздо важнѣе для общей связи племенъ и для скрѣпленія связи каждаго племени съ общимъ средоточіемъ была обязанность, въ слѣдствіе которой сами племена должны были доставлять дань въ опредѣленное Княземъ мѣсто, потому что съ этимъ участіе племенъ въ общей жизни принимало болѣе дѣятельный характеръ. Но еще болѣе способствовала сознанію о единствѣ та обязанность племенъ, по которой они должны были участвовать въ походахъ княжескихъ на другія племена, на чужіе народы: здѣсь члены различныхъ племенъ, находившихся до

того времени въ весьма слабомъ соприкосновенін другъ съ другомъ, участвовали въ одной общей дѣятельности, составляли одну дружину подъ знаменами русскаго князя; здѣсь наглядпымъ образомъ пріобрѣтали они понятіе о своемъ единствѣ, и, возвратясь домой, передавали это понятіе своимъ родичамъ, разсказывая имъ о томъ, что они сдѣлали вмѣстѣ съ другими племенами подъ предводительствомъ русскаго Князя. Наконецъ выходу племенъ изъ особнаго, родоваго быта, сосредоточенію каждаго изъ нихъ около извѣстныхъ центровъ и болѣе крѣпкой связи всѣхъ ихъ съ единымъ, общимъ для всей земли средоточіемъ способствовало построеніе городовъ князьями, умноженіе народонаселенія, переводъ его съ сѣвера на югъ.

Мы коснулись непосредственнаго вліянія княжеской власти на образованіе юнаго общества; но это вліяніе сильно обнаружилось еще посредствомъ дружины, явившейся вмѣстѣ съ Князьями. Съ самаго начала мы видимъ около Князя людей, которые сопровождаютъ его на войну, во время мира составляютъ его совѣтъ, исполняютъ его приказанія, въ видѣ посадниковъ заступаютъ его мѣсто въ областяхъ. Эти приближенные къ Князю люди, эта дружина княжеская могущественно дѣйствуетъ на образованіе новаго общества тѣмъ, что вноситъ въ среду его новое начало, сословное, въ противоположность прежнему родовому. Является общество, члены котораго связаны между собою не родовою связью, но товариществомъ; дружина, пришедшая съ первыми князьями, состоитъ преимущественно изъ Варяговъ, но въ нее открытъ доступъ храбрымъ людямъ изъ всѣхъ странъ и народовъ, преимущественно, разумѣется по самой близости, туземцамъ; съ появленіемъ дружины

среди славянскихъ племенъ, для ихъ членовъ открылся свободный и почетный выходъ изъ родоваго быта въ бытъ, основанный на другихъ, новыхъ началахъ; они получали возможность развивать свои силы, обнаруживать свои личныя достоинства, получали возможность личною доблестію пріобрѣтать значеніе, тогда какъ въ родѣ значеніе давалось извѣстною степенью по родовой лѣствицѣ; въ дружинѣ члены родовъ получали возможность цѣнить себя и другихъ по степени личной доблести, по степени той пользы, какую они доставляли князю и землѣ; съ появленіемъ дружины должно было явиться понятіе о лучшихъ, храбрѣйшихъ людяхъ, которые выдѣлились изъ толпы людей темныхъ, неизвѣстныхъ, черныхъ; явилось новое жизненное начало, средство къ возбужденію силъ въ народѣ и къ выходу ихъ; темный, безразличный міръ былъ встревоженъ, начали обозначаться формы, отдѣльные образы, разграничительныя линіи.

Обозначивъ вліяніе дружины вообще, мы должны обратиться къ вопросу: въ какомъ отношеніи находилась она къ князю и землѣ. Для легчайшаго рѣшенія этого вопроса сравнимъ отношенія дружины къ князю и землѣ въ западной Европѣ и тѣ же самыя отношенія у насъ на Руси. На западѣ около доблестнаго вождя собиралась толпа отважныхъ людей съ цѣлію завоеванія какой-нибудь страны, пріобрѣтенія земель во владѣніе. Здѣсь вождь зависѣлъ болѣе отъ дружины, чѣмъ дружина отъ него; дружина не находилась къ вождю въ служебныхъ отношеніяхъ; вождь былъ только первый между равными: «Мы избираемъ тебя въ вожди, говорила ему дружина, и куда поведетъ тебя твоя судьба, туда пойдемъ и мы за тобою; но что будетъ

пріобрѣтено общими нашими силами, то должно быть раздѣлено между всѣми нами, смотря по достоинству каждаго.» И дѣйствительно, когда дружина овладѣвала какою-нибудь страною, то каждый членъ варварскаго ополченія пріобрѣталъ участокъ земли и нужное количество рабовъ для его обработанія. Но подобныя отношенія могли ли имѣть мѣсто у насъ на Руси съ призваніемъ князей? Мы видѣли, что князь былъ призванъ сѣверными племенами, какъ *нарядникъ* земли; въ значеніи князя этихъ племенъ, въ значеніи князя извѣстной страны онъ расширяетъ свои владѣнія; около него видимъ дружину, которая постоянно наполняется новыми членами, пришлецами и туземцами: но ясно, что эти дружинники не могутъ имѣть значенія дружинниковъ западныхъ: они не могли явиться для того, чтобъ дѣлить землю, ими незавоеванную, они могли явиться только для того, чтобъ служить князю извѣстныхъ племенъ, извѣстной страны. Съ другой стороны, если князь съ дружиною покорилъ новыя племена, то это покореніе было особаго рода: вопервыхъ князь покорялъ ихъ не съ одною дружиною, но соединенными силами всѣхъ, прежде подчинившихся племенъ; во вторыхъ, покоренныя племена были разсѣяны на огромномъ пустынномъ пространствѣ; на нихъ налагалась дань — и только; но ихъ не дѣлили между членами дружины. Земли было много у Русскаго князя; онъ могъ, если хотѣлъ, раздавать ее своимъ дружинникамъ; но дѣло въ томъ, выгодно ли было дружинникамъ брать ее безъ народонаселенія; имъ гораздо выгоднѣе было оставаться при князѣ, ходить съ нимъ за добычею на войну къ народамъ еще непокореннымъ, за данью къ племенамъ подчиненнымъ, продавать эту дань чужимъ

народамъ, однимъ словомъ, получать отъ князя содержаніе непосредственно.

Замѣчено было, что князья принимали въ свою дружину всякаго витязя, изъ какого бы народа онъ ни былъ; каждый пришлецъ получалъ мѣсто смотря по своей извѣстности; въ древнихъ пѣсняхъ нашихъ читаемъ, что князь встрѣчалъ неизвѣстныхъ витязей слѣдующими словами:

„Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитесь, какъ васъ по имени зовутъ:
А по имени вамъ мочно мѣсто дать,
По изотчеству можно пожаловати.“

Такъ было вездѣ, такъ было и у насъ.—Въ Скандинавскихъ сагахъ читаемъ, что при Владимірѣ княгиня, жена его, имѣла такую же многочисленную дружину, какъ и самъ князь; мужъ и жена соперничали, у кого будетъ больше знаменитыхъ витязей; если являлся храбрый пришлецъ, то каждый изъ нихъ старался привлечь его въ свою дружину. Подтвержденіе этому извѣстію находимъ также въ нашихъ старинныхъ пѣсняхъ: такъ Владиміръ, посылая богатыря на подвигъ, обращается къ нему съ слѣдующими словами:

„Гой еси, Иванъ Годиновичъ!
Возьми ты у меня князя сто человѣкъ
Русскихъ могучихъ богатырей,
У княгини ты бери другое сто.“

Чѣмъ знаменитѣе былъ князь, тѣмъ храбрѣе и многочисленнѣе были его сподвижники; каковъ былъ князь, такова была и дружина: дружина Игорева говорила: «Кто съ моремъ совѣтенъ,» и шла домой безъ боя; сподвижники Святослава были всѣ похожи на него: «Гдѣ ляжетъ твоя голова, тамъ и всѣ мы головы

свои сложимъ,» говорили они ему, потому что оставить поле битвы, потерявши князя, считалось страшнымъ позоромъ для добраго дружинника; и хорошій вождь считалъ постыднымъ покинуть войско въ опасности: такъ Святославъ не принялъ вызова Цимисхіева на поединокъ, конечно не изъ трусости, но изъ того, чтобъ не отдѣлиться отъ дружины, не покинуть ее на жертву врагамъ въ случаѣ своей смерти; такъ во время похода Владиміра Ярославича на Грековъ, Тысяцкій Вышата сошелъ на берегъ къ выброшеннымъ бурею воинамъ, и сказалъ: «Если буду живъ, то съ ними; если погибну, то съ дружиною.» — Было уже замѣчено, что дружина получала содержаніе отъ князя — пищу, одежду, коней и оружіе; дружина говоритъ Игорю: «отроки Свѣнельдовы богаты оружіемъ и платьемъ, а мы босы и наги; пойдемъ съ нами въ дань.» Хорошій князь не жалѣлъ ничего для дружины: онъ зналъ, что съ многочисленными и храбрыми сподвижниками могъ всегда пріобрѣсть богатую добычу; такъ говорилъ Владиміръ, и давалъ частые, обильные пиры дружинѣ; такъ о сынѣ его Мстиславѣ говорится, что онъ очень любилъ дружину, имѣнія не щадилъ, въ питьѣ и пищѣ ей не отказывалъ. При такой жизни вмѣстѣ, въ братскомъ кружку, когда князь не жалѣлъ ничего для дружины, ясно, что онъ не скрывалъ отъ нея своихъ думъ, что члены дружины были главными его совѣтниками во всѣхъ дѣлахъ; такъ о Владимірѣ говорится, что онъ любилъ дружину, и думалъ съ нею о строѣ земскомъ, о ратяхъ, объ уставѣ земскомъ. Святославъ не хочетъ принимать христіанства, потому что дружина станетъ смѣяться. Бояре, вмѣстѣ съ городскими старцами, рѣшаютъ, что должно принести человѣческую

жертву; Владимiръ созываетъ бояръ и старцевъ совѣтоваться о перемѣнѣ вѣры.

Кромѣ дружины, войско составляли особые полки, набиравшiеся изъ народонаселенія городскаго и сельскаго, къ состоянію котораго теперь и обратимся. Прежніе города Славянскихъ племенъ были не иное что, какъ огороженныя села, жители которыхъ занимались земледѣліемъ. Это занятіе всего болѣе способствуетъ сохраненію родоваго быта: по смерти общаго родоначальника сыновьямъ его и внукамъ выгодно поддерживать родовую связь, чтобъ соединенными силами обработывать землю. Какъ же скоро среди народонаселенія являются другіе промыслы, мѣна, торговля, какъ скоро для членовъ рода является возможность избирать то или другое занятіе по своимъ склонностямъ, является возможность посредствомъ собственной самостоятельной дѣятельности пріобрѣсть болѣе другихъ членовъ рода, то съ тѣмъ вмѣстѣ необходимо должно являться стремленіе выдѣлиться изъ рода для самостоятельной жизни, самостоятельной дѣятельности. Различіе занятій и мѣна условливались тѣмъ, что среди городовъ явился новый элементъ народонаселенія — военные отряды, дружины князей; въ нѣкоторыхъ городахъ поселились князья, въ другихъ мужи княжіе съ военскими отрядами; этотъ приплывъ народонаселенія съ средствами къ жизни, но непромышленнаго само по себѣ, необходимо долженъ былъ породить торговлю и промышленность, которыя, въ свою очередь, должны были дѣйствовать на ослабленіе прежняго родоваго быта. Ослабленію родоваго быта въ новыхъ городахъ, построенныхъ князьями, содѣйствовало и то, что эти города обыкновенно наполнялись народонаселеніемъ, собраннымъ изъ разныхъ мѣстъ, преимущественно съ

сѣвера; переселенцы эти были вообще доступнѣе для принятія новыхъ формъ быта, новыхъ условій общественной жизни, чѣмъ живущее разсѣянно, отдѣльными родами сельское народонаселеніе; въ городахъ сталкивались чужеродцы, для которыхъ необходимы были новыя правительственныя отношенія, новая гражданская связь. Наконецъ ослабленію и паденію родоваго быта въ городахъ должно было много содѣйствовать новое военное дѣленіе на десятки и сотни, надъ которыми поставлялись независимые отъ родовыхъ старшинъ начальники — десятскіе, сотскіе; что эти начальники сохраняли свое вліяніе и во время мира, доказательствомъ служитъ важное вліяніе, гражданское значеніе тысяцкаго: эти новыя формы соединенія, новыя чисто гражданскія отношенія необходимо должны были наносить ударъ старымъ формамъ быта. — Появленіе города пробуждало жизнь и въ ближайшемъ къ нему сельскомъ народонаселеніи: въ городѣ образовывался правительственный центръ, къ которому должно было тянуть окружное сельское народонаселеніе; сельчане, которые прежде разъ въ годъ входили въ сношенія съ княжескою властію при платежѣ дани, теперь входили въ сношенія съ нею гораздо чаще, потому что въ ближайшемъ городѣ сидѣлъ мужъ княжъ, посадникъ; потомъ, какъ скоро городское народонаселеніе получило другой характеръ, чѣмъ прежде, то между нимъ и сельскимъ народонаселеніемъ наобходимо должна была возникнуть торговля, въ слѣдствіе различія занятій. Съ другой стороны, подлѣ городовъ начали появляться села съ народонаселеніемъ особаго рода; князья, ихъ дружинники и вообще горожане стали выводить деревни, населяя ихъ рабами, купленными или взятыми въ

плѣнъ, также наемными работниками. Такъ посредствомъ городовъ, этихъ правительственныхъ колоній, наносился ударъ родовой особности, въ какой прежде жили племена, и вмѣсто племенныхъ названій встрѣчаемъ уже областныя, заимствованныя отъ главныхъ городовъ.

Такъ были положены основы русскому обществу; таковы были перемѣны, произведенныя новыми началами въ бытѣ восточныхъ племенъ Славянскихъ. Но легко замѣтить, что въ начертанной картинѣ образованія юнаго русскаго общества чего-то недостаетъ, и недостаетъ самаго главнаго, недостаетъ духовнаго начала. Какъ въ дивномъ видѣніи ветхозавѣтнаго пророка мы видимъ, что кости складываются съ костями, связываются жилами, облекаются плотію,—но духа еще нѣтъ въ новомъ тѣлѣ: этотъ духъ принесенъ былъ христіанствомъ.

Чтеніе второе.

Въ прошедшую бесѣду мы видѣли, какъ положены были основы русскаго общества, мы видѣли, какъ сложились его части; но мы замѣтили, что не было еще духовнаго начала, которое бы дало этимъ частямъ духовную связь, духовное единство: это духовное начало явилось вмѣстѣ съ христіанствомъ, принесеннымъ въ Россію изъ Византіи. Прежде нежели приступимъ къ разсказу о принятіи христіанства, его распространеніи и вліяніи на новорожденное общество, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ князѣ, которому суждено было сдѣлаться просвѣтителемъ русскаго народа. Мы видѣли, какими способами и путями начало, призванное *для* установленія наряда, исполнило свое назначеніе въ первое время существованія русскаго общества; мы видѣли, какъ правительственное начало собирало племена, разсѣянныя на безмѣрномъ пространствѣ, сосредоточивало ихъ около правительственныхъ центровъ,—около городовъ; какимъ образомъ переводило оно народонаселеніе изъ быта племеннаго въ бытъ областной. Съ другой стороны, правительственное начало должно было стоять на сторожѣ русской земли, должно было постоянно защищать это юное об-

щество, эти первыя основы общества отъ непрестанныхъ вторженій степныхъ варваровъ,—потому что русское государство, передовое государство Европейское основалось на границахъ степей, на границахъ Европы съ Азіею. Изъ князей, которые всего болѣе старались объ этомъ внутреннемъ нарядѣ, преданіе выставляетъ намъ два лица, соединенныя въ немъ однимъ именемъ, однимъ прозваніемъ, одинаковымъ характеромъ дѣятельности, хотя эти два лица и разныхъ половъ: это князь Олегъ, второй по призваніи, и княгиня Ольга, жена Игоря, третьяго князя. Преданіе выставляетъ одинаковую дѣятельность этихъ двухъ лицъ относительно устроенія наряда въ землѣ, указывая, какъ эти лица старались опредѣлить отношенія племенъ къ главному центру, къ сосредоточивающему началу, какъ, собирая эти племена, населяли пустынныя страны, строили города. Мы сказали, что преданіе даетъ обоимъ этимъ лицамъ одно прозванье—мудрыхъ: мы знаемъ, кого обыкновенно народное преданіе называетъ мудрыми, кому приписываетъ это свойство,—оно приписывается тѣмъ правительственнымъ лицамъ, которыя преимущественно заботятся о внутреннемъ нарядѣ, о внутреннемъ благосостояніи общества.—Иначе разсказываетъ преданіе о сынѣ Ольги: Святославъ въ преданіи выставляется героемъ, вождемъ дружины по преимуществу, но не нарядникомъ; въ преданіи сохранилась жалоба, что онъ оставилъ родную страну для чужой, заботился о чужой сторонѣ, а между тѣмъ родную землю безъ него едва было не взяли Печенѣги. — Съ другимъ характеромъ является сынъ Святослава—Владиміръ. Это лицо есть любимый герой древней Руси. Конечно его великое значеніе какъ Апостола, просвѣти-

теля русской земли, даетъ ему право быть главнымъ героемъ древней русской исторіи. Не удивительно потому въ народныхъ поэтическихъ сказаніяхъ видѣть это лице совопросникомъ царя Давида, вмѣстѣ съ нимъ рѣшающимъ важный вопросъ о началѣ и концѣ міра. Но съ Владиміромъ соединены еще другія преданія, которыя не могутъ быть объяснены однимъ его религіознымъ значеніемъ: къ княженію Владиміра относится циклъ богатырскихъ нашихъ пѣсенъ и сказаній. Витязи, богатыри, главные герои этихъ преданій, суть сподвижники, дружинники Владиміра; Владиміръ тотъ князь, который распоряжается ихъ подвигами. Отчего же въ этихъ сказаніяхъ о геройскихъ подвигахъ богатырей играетъ главную роль Владиміръ, а не отецъ его Святославъ, герой по преимуществу? Если мы обратимся къ лѣтописи, то она точно укажетъ намъ, что Владиміръ совершилъ много походовъ, преимущественно съ тою цѣлію, чтобы скрѣпить окончательно между племенами связь, ослабѣвшую во время удаленія отца его въ Болгарію и во время междуусобій братьевъ. Но преимущественная дѣятельность Владиміра состояла въ томъ, что онъ отражалъ степныхъ варваровъ, сдерживалъ ихъ стремленія противъ новорожденнаго общества; около Кіева, около центра русскаго общества въ то время, съ цѣлію защиты отъ нападеній варваровъ построилъ рядъ городовъ; все его княженіе проходитъ большею частію въ битвахъ съ варварами. Здѣсь, въ этихъ битвахъ идетъ дѣло о самыхъ главныхъ интересахъ общества, народа, здѣсь совершается борьба за имущество, свободу, жизнь. Не удивительно послѣ этого, что подвиги Святослава не могли служить содержаніемъ народныхъ пѣсень и сказаній: они были совершаемы вда-

ли отъ родной страны и не для родной страны; тогда какъ подвиги Владиміра были совершаемы въ виду всей Русской земли и съ цѣлію ея защиты отъ степныхъ варваровъ; вотъ почему благодарный народъ такъ удержалъ въ своей памяти подвиги Владиміра и сдѣлалъ его героемъ цѣлаго цикла богатырскихъ преданій: а между тѣмъ самъ Владиміръ не былъ богатырь изъ богатырей, какъ былъ отецъ его Святославъ. Но Владиміръ кромѣ этого заслужилъ еще народную добрую память другими чертами своего характера: изъ сличенія всѣхъ преданій, записанныхъ въ лѣтописи и существующихъ въ народныхъ сказаніяхъ, мы видимъ, что этотъ князь имѣлъ широкую, любящую душу и потому не любилъ жить одиноко, но любилъ жить съ другими вмѣстѣ; а извѣстно, какъ это качество способно пріобрѣтать любовь народа и добрую память.

Таковъ былъ князь, которому суждено было быть Апостоломъ Россіи. Знакомство съ христіанствомъ начинается очень рано въ нашемъ отечествѣ вслѣдствіе раннихъ походовъ Русскихъ князей и племенъ на Константинополь: уже во время похода Игоря, третьяго Русскаго князя, лѣтопись говоритъ о христіанахъ, бывшихъ въ его войскѣ, и о церкви христіанской, находившейся въ Кіевѣ. Раннее распространеніе и усиленіе христіанства въ Руси доказывается и тѣмъ, что послѣ Игоря жена его Ольга, управлявшая дѣлами новаго общества за малолѣтствомъ сына своего Святослава, принимаетъ христіанство: это явленіе было и слѣдствіемъ распространенія христіанства и причиною дальнѣйшаго его распространенія. Но когда христіанство начало усиливаться на Руси, въ тогдашнемъ центрѣ ея — Кіевѣ, какъ скоро оно обратило на себя вниманіе, тогда необ-

ходимо было ожидать враждебнаго столкновенія его съ древней языческой религіей. Когда Ольга увѣщевала сына своего принять христіанство, онъ отказался: въ характерѣ Святослава лежало неодолимое препятствіе къ тому. Но, какъ сказано, самый примѣръ Ольги долженъ былъ способствовать къ усиленію христіанства, а вмѣстѣ съ успѣхами послѣдняго должно было возникнуть и сопротивленіе со стороны язычества; это сопротивленіе обозначается въ лѣтописи тѣмъ, что христіанъ хотя не притѣсняли, но смѣялись надъ ними; борьба такимъ образомъ начиналась насмѣшками. Есть нѣкоторыя извѣстія, что въ концѣ княженія Святослава эта борьба приняла уже другой характеръ, — насмѣшки превратились въ притѣсненія: но, Святославъ, преслѣдуя христіанство, (если вѣрить этимъ извѣстіямъ), оставилъ однако по своемъ удаленіи малолѣтныхъ сыновей своихъ при бабкѣ ихъ христіанкѣ, и есть также извѣстіе, что старшій сынъ его Ярополкъ былъ привերженъ къ христіанству, хотя явно и не принималъ его изъ страха предъ сильной языческой стороною. Есть еще далѣе извѣстіе, что Владиміръ, князь Новгородскій, въ борьбѣ съ Ярополкомъ былъ обязанъ успѣхомъ своимъ стараніямъ языческой стороны, которая не хотѣла Ярополка, но хотѣла князя вполнѣ язычника. Вѣрность этого извѣстія подтверждается тѣмъ, что какъ скоро Владиміръ осилилъ брата и занялъ Кіевъ, тогда мы видимъ язычество въ полномъ разгарѣ. Никогда еще, по свидѣтельству лѣтописи, язычество не выказывалось такъ рѣзко на Руси, какъ въ началѣ княженія Владиміра, никогда не было приносимо такъ много жертвъ, требовались даже человѣческія жертвы. Владиміръ, обязанный торжествомъ своимъ языческой

сторонѣ, спѣшитъ удовлетворить ей, спѣшитъ украсить язычество и языческій бытъ: онъ ставитъ изукрашенныхъ идоловъ, приноситъ имъ частыя жертвы. Но въ этомъ самомъ торжествѣ язычества, въ этомъ стараніи поднять, украсить его, въ этомъ самомъ мы видимъ уже признакъ его скораго паденія: стараясь поднять язычество, стараясь украсить его, Владиміръ и тѣ, которые содѣйствовали ему въ этомъ, истощали всѣ средства язычества и тѣмъ рѣзче обнаруживали всю его ничтожность, всю его несостоятельность предъ другими религіями, особенно предъ христіанской. Что бываетъ иногда въ жизни частныхъ людей, тоже замѣчается и въ жизни цѣлыхъ обществъ: мы видимъ иногда, что самые ревностные поклонники какого-нибудь начала, оставляя прежній предметъ своего поклоненія, вдругъ переходятъ на другую сторону, и дѣйствуютъ съ удвоенною ревностію въ ея пользу, — это значитъ, что они въ своемъ сознаніи истощили всѣ средства своего прежняго поклоненія. У насъ на Руси, въ Кіевѣ, въ малыхъ размѣрахъ случилось тоже самое, что нѣкогда имѣло мѣсто въ Римѣ при императорѣ Юліанѣ: его ревность всего болѣе способствовала паденію язычества: онъ истощилъ всѣ средства, которыя могло дать язычество для умственной и нравственной жизни общества, и тѣмъ показалъ его ничтожность и несостоятельность предъ христіанствомъ: такъ и наше языческое общество при Владимірѣ, истощивъ всѣ средства язычества, приготовило тѣмъ самымъ торжество христіанства.

Подъ 983 годомъ лѣтописецъ помѣщаетъ слѣдующій любопытный разсказъ: пришелъ Владиміръ изъ похода противъ Ятвяговъ и начали приносить жертвы

кумирамъ; собралась толпа и потребовала человѣческой жертвы; кинули жребій, — жребій палъ на одного изъ Варяговъ, который исповѣдывалъ христіанскую вѣру вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, принесшимъ ее изъ Константинополя; толпа послала сказать старику, чтобы онъ отдалъ сына своего на жертву богамъ; Варягъ отвѣчалъ: «ваши боги суть дерево,—нынѣ есть оно, завтра сгніетъ; одинъ тотъ богъ, которому кланяются Греки, Который сотворилъ небо и землю; а̀ что̀ сдѣлали ваши боги?—они сами сдѣланы: не отдамъ сына своего бѣсамъ». Разъяренная толпа убила проповѣдника;—ярость прошла, но проповѣдь осталась: «Ваши боги-дерево»!— и безотвѣтны стояли кумиры Владиміра предъ этимъ грознымъ вызовомъ. И въ самомъ дѣлѣ, что̀ могла древняя наша языческая религія дать обществу, что могла она выставить, что могла отвѣтить на всѣ тѣ важные вопросы, которые задавали ей проповѣдники другихъ религій, особенно религіи христіанской?

Однимъ изъ главныхъ вопросовъ, которые безпокоили всѣ сѣверные народы, и которые такъ сильно способствовали распространенію между ними христіанства, былъ вопросъ о началѣ міра и о будущей жизни. Болгарское преданіе о принятіи христіанства говоритъ, что болгарскій князь всего болѣе былъ пораженъ картиною страшнаго суда; то же самое повторяетъ преданіе и о нашемъ Владимірѣ. Въ преданіи Владимірѣ созываетъ старцевъ и бояръ, чтобъ посовѣтоваться съ ними о вѣрѣ; онъ говоритъ имъ: «приходили ко мнѣ проповѣдники разныхъ вѣръ, каждый хвалитъ свою вѣру; пришли и Греки, они разсказали мнѣ много о началѣ и концѣ міра; хитро говорятъ они, любо ихъ слушать.» Что этотъ вопросъ о началѣ и концѣ міра

сильно занималъ сѣверные народы и много способствовалъ къ распространенію между ними христіанства, это доказывается тѣмъ, что подобное же преданіе находимъ мы и на противуположномъ концѣ западной Европы,— знакъ, что это преданіе вѣрно, вѣрно духу времени и духу народовъ: христіанскіе проповѣдники приходятъ къ одному Англо-саксонскому королю; король подобно Владиміру, созываетъ дружину и старшинъ для совѣщанія, принять ли имъ новую вѣру, или нѣтъ; и вотъ одинъ изъ вождей говоритъ: «ты вѣрно припомнишь, князь, что́ случается иногда въ зимнее время, когда ты съ дружиною своей сидишь въ теплой комнатѣ, каминъ пылаетъ, всѣмъ такъ хорошо, а на дворѣ вьюга, мятель, дождь, снѣгъ; и вотъ иногда въ это время случится, что маленькая птичка влетитъ въ одну дверь и вылетитъ въ другую: мгновеніе этого перелета такъ пріятно ей, но это мгновеніе кратко и она снова погружается въ бурю и снова бьетъ ее ненастье: такова и жизнь наша, если сравнить ее съ тѣмъ временемъ, которое ей предшествуетъ и послѣдуетъ, — это время безпокоитъ и страшитъ насъ своею неизвѣстностью. И такъ, если новое ученіе дастъ извѣстіе о томъ, что было и что будетъ, то сто́итъ принять его.» Такъ говорятъ преданія, являющіяся совершенно независимо одно отъ другаго въ разныхъ концахъ Европы. На вѣрность ихъ указываетъ ихъ согласіе. Но есть еще другое преданіе также несомнѣнно вѣрное: это преданіе о выборѣ вѣръ. Оно говоритъ, что Владиміръ долженъ былъ выбирать изъ разныхъ вѣръ; язычество показало свою несостоятельность, нужно было перемѣнить его на другую вѣру, и вотъ Владиміръ избираетъ изъ многихъ вѣръ христіанскую. Это преданіе также согласно съ обстоятель-

ствами времени и тогдашняго общества. Выборъ изъ многихъ вѣръ есть особенность русской исторіи: другимъ, западнымъ народамъ нельзя было выбирать изъ многихъ вѣръ, имъ можно было только перемѣнить язычество на христіанство. Но русское общество находилось на границахъ Европы и Азіи; здѣсь, на этихъ границахъ, сталкивались не только разные народы, но и разныя религіи; слѣдовательно обществу въ такихъ обстоятельствахъ должно было выбирать изъ разныхъ религій. Далѣе на Востокѣ, еще прежде основанія русскаго государства, основалось казарское царство, которое представляетъ намъ нѣсколько различныхъ народовъ, соединенныхъ вмѣстѣ и нѣсколько различныхъ религій: и вотъ у Козаръ существовало преданіе, что ихъ кагану нужно было также выбирать изъ разныхъ вѣръ, что къ нему приходили проповѣдники отъ разныхъ народовъ, — азіатскій народъ выбираетъ вѣру Іудейскую. Теперь, далѣе къ западу, на границахъ Европы и Азіи, основывается другое общество, съ Европейскимъ населеніемъ и характеромъ; но обстоятельства тѣже, и тоже преданіе повторяется; на этотъ разъ Европейское общество выбираетъ христіанство. Христіанство было давно уже знакомо въ Кіевѣ, вслѣдствіе тѣсныхъ связей съ Константинополемъ: русскіе люди часто бывали въ Константинополѣ и приносили оттуда разсказы о чудесахъ греческой религіи и гражданственности. Эти бывальцы въ Византіи, которые вмѣстѣ съ тѣмъ бывали и въ другихъ странахъ и имѣли случай сравнить различныя религіи, — эти бывалые люди имѣли полное право сказать Владиміру то, что въ преданіи говорятъ ему бояре, отправленные имъ для испытанія различныхъ вѣръ: «лучше греческаго богослуженія, лучше греческой религіи най-

ти нельзя; всякой, отвѣдавъ разъ сладкаго, не захочетъ горькаго; если ты не примешь христіанской вѣры, то мы уѣдемъ назадъ въ Константинополь.» Митрополитъ Иларіонъ, современникъ Владимірова сына Ярослава, Иларіонъ, авторитетъ котораго для насъ безпрекословенъ, говоритъ, что Владиміръ безпрестанно слышалъ о греческой вѣрѣ, богослуженіи, о чудесахъ христіанства. Но и для тѣхъ, которые не бывали въ Константинополѣ, было свое туземное доказательство въ пользу христіанства: «если бы христіанство не было лучшею изъ религій, говорили они Владиміру, то твоя бабка Ольга не приняла бы его, а Ольга была мудрѣйшая изъ людей.» Такимъ образомъ все было готово къ принятію христіанства. Прибавимъ еще и другое обстоятельство: Владиміръ былъ взятъ малюткой изъ Кіева и отвезенъ въ Новгородъ, гдѣ и воспитанъ; на сѣверѣ христіанство было мало знакомо, язычество господствовало здѣсь вполнѣ; въ борьбѣ съ Ярополкомъ Владиміръ явился съ сѣверными полками, набранными изъ Скандинавовъ, Новгородцевъ, Кривичей, Финновъ, — все ревностныхъ язычниковъ; этотъ приплывъ языческаго элемента и былъ причиною торжества язычества въ началѣ княженія Владиміра. Но потомъ время и мѣсто взяли свое, язычество не могло долѣе противиться; языческая религія, которая удовлетворяла потребностямъ племенъ разсѣянныхъ, жившихъ особно въ родовомъ бытѣ, не могла уже теперь удовлетворить Кіевлянамъ, познакомившимся съ Христіанствомъ. Въ совѣтѣ Владиміра было рѣшено, что христіанство есть лучшая вѣра. Не станемъ повторять дальнѣйшихъ подробностей о томъ, какъ Владиміръ, не смѣя прямо приступить къ такому великому дѣлу, говоритъ — «по-

дожду еще немного,» и предпринимаетъ походъ на Корсунь; замѣтимъ, что это преданіе такъ вѣрно и естественно, что мы имѣемъ право принять его; оно показываетъ намъ, какъ Владиміръ даетъ обѣтъ принять христіанство, если Богъ христіанскій поможетъ ему: мы знаемъ, что это не первый вождь языческаго народа, который принимаетъ христіанство вслѣдствіе подобныхъ обѣтовъ. — И вотъ Владиміръ возвращается въ Кіевъ христіаниномъ, сокрушаетъ идоловъ; духовенство, приведенное имъ, проповѣдуетъ христіанство по улицамъ города. Многіе, давно знакомые съ христіанствомъ, съ радостію принимаютъ его, другіе колеблются, какъ прежде колебался и Владиміръ, нѣкоторые же упорно стоятъ за старую вѣру. Тогда Владиміръ употребляетъ средство сильнѣе: онъ объявляетъ, чтобы на другой день весь народъ явился къ рѣкѣ, и кто не явится, тотъ будетъ врагомъ Князю. Тѣ, которые колебались, ждали чего нибудь рѣшительнаго, съ радостью пошли теперь къ рѣкѣ, руководствуясь примѣромъ Князя и бояръ, говоря, что если бы христіанство не было лучшею религіей, то Князь и бояре не приняли бы его; нѣкоторые, по словамъ митрополита Иларіона, шли неохотно, изъ страха предъ повелѣвшимъ; нѣкоторые же, закоренѣлые язычники, удаляются изъ Кіева, скрываются въ лѣсахъ и степяхъ. Это извѣстіе объ удаленіи нѣкоторыхъ язычниковъ въ лѣса и степи можно принимать въ связи съ извѣстіемъ объ умноженіи разбоевъ: закоренѣлые язычники, удалившись изъ общества, разумѣется, должны были враждебно противъ него дѣйствовать. Любопытно, что богатыри Владиміра, по преданіямъ, вооружаются противъ разбойниковъ: все это можетъ вести ко мнѣнію, что эта борьба хотя от-

части носила характеръ религіозный; приводятъ разбойника, — его отдаютъ Митрополиту; разбойникъ кается въ домѣ послѣдняго. Какъ бы то ни было, въ Кіевѣ Христіанство принялось безъ большихъ затрудненій. Но не такъ было тамъ, гдѣ оно не было еще знакомо, у племенъ сѣверныхъ и восточныхъ, которыя жили еще въ простотѣ первоначальнаго быта, для которыхъ старая языческая религія была еще удовлетворительна. Любопытно видѣть, что христіанство распространялось у насъ тѣмъ же путемъ, какимъ вначалѣ распространялась и государственная область; проповѣдники, митрополиты и другія духовныя лица, идутъ по великому водному пути, — изъ Кіева въ Новгородъ, потомъ бѣлозерскимъ путемъ до Ростова. Но христіанство встрѣчаетъ здѣсь на сѣверѣ сильныя препятствія; язычество, неудовлетворяясь страдательнымъ противуборствомъ христіанству, осмѣливается иногда прямо и явно наступать на него; являются иногда волхвы, и явно возмущаютъ народъ противъ христіанства. Большія смуты произвели они въ ростовской области, такъ что князь Ярославъ долженъ былъ самъ отправиться на сѣверъ для усмиренія волненій; въ Новгородѣ одинъ волхвъ возмутилъ народъ до того, что когда Епископъ вышелъ съ крестомъ въ рукѣ, то на сторонѣ волхва стало все народонаселеніе; на сторонѣ Епископа остался одинъ Князь съ дружиною, и только особенная смѣлость Князя помѣшала исполниться намѣреніямъ волхва.

Для окончательнаго торжества христіанства и низложенія язычества, греческое духовенство присовѣтовало Владиміру мѣру самую дѣйствительную: христіанство не могло съ надлежащимъ успѣхомъ распространяться среди стараго поколѣнія, которое было воспитано въ

язычествѣ и потому жило прежними, языческими понятіями; съ другой стороны родители, пропитанные языческими понятіями, не могли воспитать новое поколѣніе въ понятіяхъ христіанскихъ: и вотъ, по совѣту Греческихъ Епископовъ, Владиміръ отбираетъ у лучшихъ граждан дѣтей и отдаетъ ихъ по церквамъ духовенству, учиться грамотѣ и вмѣстѣ догматамъ христіанскимъ, воспитываться въ христіанскомъ духѣ; сынъ его, Ярославъ, тоже самое дѣлаетъ въ Новгородѣ. Св. Леонтій подобнымъ же образомъ поступаетъ въ Ростовѣ: не имѣя возможности сладить съ упорнымъ язычествомъ, Св. Леонтій обращается къ молодому поколѣнію, собираетъ около себя дѣтей и воспитываетъ ихъ въ христіанствѣ, за что и терпитъ страдальческую кончину отъ родителей этихъ дѣтей. Но въ Кіевѣ и Новгородѣ эта мѣра удалась какъ нельзя лучше: новое, молодое поколѣніе, воспитанное христіански и выученное грамотѣ, имѣло средства узнать догматы новой религіи и дѣйствовать гораздо сильнѣе противъ прежней.

Теперь разсмотримъ, каковы были подвиги этого новаго, молодаго поколѣнія, поколѣнія граматнаго, наученнаго догматамъ своей религіи. — Представителями его являются въ семействѣ княжескомъ уже дѣти Владиміра, и, вопервыхъ, любимые его сыновья — Борисъ и Глѣбъ. Легко понять, что христіанство, по самому характеру своему, должно было прежде всего подѣйствовать на самыя нѣжныя отношенія, на отношенія семейныя, родственныя, должно было скрѣпить ихъ и дать имъ большую мягкость и нѣжность: это и видимъ мы въ Борисѣ и Глѣбѣ, въ этихъ образцахъ братской любви и благоговѣнія къ началамъ семейнымъ; они падаютъ жертвою этихъ новыхъ по-

нятій, новыхъ чувствъ; они являются первыми гражданами новаго міра, первыми борцами новаго христіанскаго общества противъ языческаго. Потомъ, представителемъ новаго поколѣнія является третій сынъ Владиміра — Ярославъ, который былъ великимъ Княземъ. Ярославъ, говоритъ лѣтопись, былъ христіаниnъ и умѣлъ читать книги: эти два сопоставленія чрезвычайно важны; именно по понятіямъ тогдашняго общества, христіанство и граматность — были нерасторжимы; слѣдовательно Ярославъ былъ полнымъ представителемъ новаго поколѣнія. Умѣя самъ читать книги, будучи настоящимъ христіаниномъ, зная догматы своей вѣры, Ярославъ заботился, чтобъ и другіе имѣли тѣ же знанія: онъ собираетъ писцовъ, которыхъ заставляетъ переводить, переписывать книги; въ Новгородѣ, какъ сказано выше, отбираетъ у лучшихъ граждапъ дѣтей и отдаетъ ихъ учиться, строитъ церкви, даетъ отъ себя содержаніе приставленнымъ къ нимъ священникамъ, которымъ поручаетъ учить народъ. — Потомъ, послѣ семьи княжеской, представителемъ новаго поколѣнія является Митрополитъ Иларіонъ, который, понимая различіе и превосходство новаго порядка вещей предъ старымъ, старался и другимъ показать это превосходство.

Но этого было еще мало; новое поколѣніе грамотныхъ христіанъ должно было выставить проповѣдниковъ не слова только, но и дѣла, — и оно выставило цѣлый рядъ подвижниковъ, которые жизнію, на самомъ дѣлѣ, доказали явно превосходство новаго порядка вещей и дали окончательное торжество христіанству. Мы говоримъ объ этихъ великихъ подвижникахъ христіанства, о древнихъ нашихъ инокахъ, преимущественно инокахъ Кіевопечерскаго монастыря, который имѣетъ та-

кое важное значеніе въ нашей древней исторіи. Какъ прежде Русскіе люди изъ Кіева ходили въ Грецію за добычей, за славой, такъ теперь новое поколѣніе, воспитавшееся въ христіанствѣ, путешествуетъ въ Грецію, но не за добычею, не за славою, а за тѣмъ, чтобы получить тамъ окончательное просвѣщеніе, окончить свое христіанское, духовное воспитаніе. Таковъ былъ святой Антоній, который отправился съ этими цѣлями въ Грецію, возвратился инокомъ, и положилъ основаніе Кіевопечерской обители. — Кромѣ Антонія, мы видимъ еще другаго представителя новаго поколѣнія: это былъ св. Ѳеодосій. Въ жизни Ѳеодосія всего легче можно видѣть эту борьбу стараго поколѣнія съ новымъ и торжество послѣдняго. Преданіе говоритъ, что когда Владиміръ велѣлъ у лучшихъ людей отбирать дѣтей для ученія, то матери полу-язычницы плакали по своихъ дѣтяхъ какъ по мертвыхъ: такова была мать и св. Ѳеодосія; въ самой ея любви представитель новаго поколѣнія встрѣтилъ сильное препятствіе своимъ намѣреніямъ; она не хотѣла, чтобы онъ посвятилъ себя исключительно религіи. Но Ѳеодосій преодолѣлъ всѣ препятствія, ушелъ въ Кіевъ, явился къ Антонію, вступилъ въ монастырь и былъ послѣ его игумномъ. Но кромѣ Антонія и Ѳеодосія, Печерскій монастырь выставилъ цѣлый рядъ подвижниковъ христіанства, которые своимъ примѣромъ, своими дѣлами такъ много способствовали распространенію христіанства въ областяхъ Русскихъ.

Показавъ средства, какими христіанство распространялось и утверждалось на Руси, обратимся къ вліянію этого новаго могущественнаго начала на гражданскій бытъ юнаго русскаго общества. Немедленно послѣ принятія новой вѣры мы видимъ уже Епископовъ совѣтни-

ками Князя, истолкователями воли Божіей; но христіанство принято отъ Византіи; Русь составляетъ одну изъ Епархій, подвѣдомственныхъ Константинопольскому Патріарху; для русскаго духовенства единственнымъ образцомъ всякаго строя служитъ устройство византійское: отсюда понятно будетъ гражданское вліяніе Греко-римскаго міра на юное русское общество. Церковь, по главной задачѣ своей—дѣйствовать на нравственность, должна была прежде всего обратить вниманіе на отношенія семейныя, которыя поэтому самому и подчинились церковному суду. Легко понять, какое вліяніе должна была оказать церковь, подчинивъ своему суду отношенія семейныя, оскорбленіе чистоты нравственной и преступленія, совершавшіяся по языческимъ преданіямъ. Духовенство своимъ судомъ вооружилось противъ всѣхъ прежнихъ языческихъ обычаевъ, противъ похищенія дѣвицъ, противъ многоженства, противъ браковъ въ близкихъ степеняхъ родства, противъ насильственныхъ браковъ. Церковь взяла женщину подъ свое покровительство, и блюла особенно за ея нравственностію, возвысила ея значеніе, постановивши обязанности дѣтей къ матери наравнѣ съ обязанностями къ отцу. Семья, до сихъ поръ замкнутая и независимая, подчиняется надзору чуждой власти; христіанство отнимаетъ у отцевъ семействъ жреческой характеръ, который они имѣли во времена языческія; подлѣ отцевъ плотскихъ являются отцы духовные; что прежде подлежало суду семейному, теперь подлежитъ суду церковному. Нужно ли прибавлять, что такое вліяніе церкви на семейный бытъ могущественно содѣйствовало къ переводу народонаселенія отъ старыхъ формъ родоваго быта къ новымъ, гражданскимъ.

Чтеніе третіе.

Въ прошедшихъ бесѣдахъ мы видѣли, какъ образовалось Русское общество, и какъ духовное, религіозное начало дѣйствовало при этомъ образованіи. Мы видѣли, что предъ призваніемъ князей племена, обитавшія въ областяхъ нынѣшней Россіи, жили въ формахъ родоваго быта. При содѣйствіи правительственнаго начала, дружины и церкви, эти формы быта начали уступать мѣсто другимъ гражданскимъ формамъ; но родовой бытъ оставался еще столько могущественнымъ, что въ свою очередь дѣйствовалъ на измѣнявшія его начала, и когда семья княжеская, семья Рюриковичей стала многочисленна, то между членами ея начинаютъ господствовать чисто родовыя отношенія, тѣмъ болѣе, что родъ Рюрика, какъ родъ правительственный, не могъ подчиняться вліянію никакого другаго начала. Князья считаютъ всю Русскую землю въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи цѣлаго рода своего, при чемъ старшій въ родѣ, Великій князь сидитъ на старшемъ столѣ, другіе родичи, смотря по степени своего старшинства, занимаютъ другіе столы, другія волости, болѣе или менѣе значительныя; когда умретъ старшій, или Великій князь, то достоинство его, вмѣстѣ съ главнымъ столомъ переходитъ не къ старшему сыну его, но къ старшему

въ цѣломъ родѣ княжескомъ, который и перемѣщается на главный столъ, а вмѣстѣ съ этимъ перемѣщаются и остальные родичи на тѣ столы, которые теперь соотвѣтствуютъ ихъ степени старшинства. Связь между старшими и младшими членами рода была часто родовая, а не государственная: когда Великимъ княземъ былъ отецъ, дѣдъ, то отношенія его къ младшимъ членамъ рода, сыновьямъ, внукамъ были прочны, опредѣлены, ясны; но когда съ умноженіемъ членовъ рода, Великимъ княземъ бывалъ троюродный или четвероюродный дядя, или братъ, то родственныя отношенія необходимо ослабѣвали, а съ тѣмъ вмѣстѣ ослабѣвало уваженіе, повиновеніе младшихъ старшему, особенно, когда замѣчали стремленіе старшаго блюсти болѣе выгоды ближайшихъ родичей, ослабѣвала общая связь рода, увеличивались случаи къ враждебнымъ столкновеніямъ между его членами. Завязались споры между различными линіями о старшинствѣ, одна линія начала исключать другую. Народонаселеніе волостей вмѣшалось въ эти споры, стало выбирать князей, которыя были ему любы, не обращая вниманія на родовые счеты Рюриковичей: отсюда новыя смуты, новая запутанность, новыя усобицы. Мы упоминали, что въ отношеніяхъ между княземъ и подчиненнымъ народонаселеніемъ оставались еще неопредѣленности; но князья не имѣли возможности опредѣлить точнѣе своихъ отношеній къ народонаселенію волостей, потому что все вниманіе ихъ было поглощено собственными ихъ родовыми счетами и борьбою, въ слѣдствіе этихъ счетовъ происходившею; доискиваясь старшинства, они переходили изъ одной волости въ другую, не занимаясь установленіемъ прочнаго порядка вещей въ послѣднихъ, оставляя все по прежнему.

Такимъ образомъ мы видимъ, что причиною усобицъ, нестроеній, характеризующихъ эпоху отъ смерти Ярослава 1-го, былъ тотъ же родовой бытъ, для выхода изъ котораго сѣверныя племена призвали первыхъ князей. Теперь слѣдовательно, для прекращенія безпорядковъ, усобицъ въ самомъ родѣ княжескомъ, нужно было, чтобъ въ немъ самомъ повторилось тоже явленіе, чтобъ въ немъ самомъ родовыя отношенія упразднились, уступили мѣсто государственнымъ, чтобъ старшій въ родѣ князь явился государемъ относительно младшихъ, а послѣдніе подчинились его власти, какъ подданные. Для этого, во первыхъ, нужно было, чтобъ Великій князь началъ имѣть не одно родовое значеніе, какъ только старшій, но чтобъ онъ сталъ смотрѣть на остальныхъ родичей, какъ на подданныхъ, и при этомъ имѣлъ бы довольно матеріальной силы, чтобъ заставить родичей смотрѣть на себя, какъ на Государя. Во вторыхъ, нужно было, чтобъ князья перестали считать всю землю общимъ достояніемъ цѣлаго рода, но чтобъ каждый утвердился навсегда въ своей волости, началъ заботиться объ увеличеніи своихъ матеріальныхъ силъ, расширятъ свои владѣнія на счетъ другихъ, чтобъ сильнѣйшіе князья начали собирать Русскую землю, присоединяя къ одной большой области другія меньшія. Это явленіе, перемѣна въ характерѣ Великихъ князей и перемѣна во взглядѣ на собственность произошло на сѣверѣ, въ области верхней Волги, въ княжествѣ ростовскомъ; первый князь, который рѣшился измѣнить родовыя отношенія, началъ поступать не такъ, какъ старшій въ родѣ, но какъ Государь, былъ Андрей Боголюбскій. Что же за причина этой перемѣны? Какимъ образомъ Андрей Боголюбскій получилъ мысль о ея

возможности и необходимости? Такъ какъ перемѣна эта произошла на сѣверѣ, то тамъ должно искать и причину ея.

Въ Русской исторіи мы замѣчаемъ то главное явленіе, что государство, при расширеніи своихъ владѣній, занимаетъ обширныя пустынныя пространства и населяетъ ихъ, государственная область расширяется преимущественно посредствомъ Колонизаціи; господствующее племя Славянское выводитъ поселенія свои все далѣе и далѣе въ глубь востока. Всѣмъ племенамъ Европы завѣщано исторіею высылать поселенія въ другія части свѣта, распространять въ нихъ христіанство и гражданственность; западнымъ Европейскимъ племенамъ суждено совершать это дѣло морскимъ, восточному племени—Славянскому, сухимъ путемъ. Мы видимъ съ самого начала, что князья наши преимущественно заботятся о населеніи пустынныхъ пространствъ, о построеніи городовъ; сперва населялись страны югозападныя, потомъ колонизація шла далѣе на сѣверовостокъ; честь населенія сѣверовостока, пустынной области верхней Волги, преимущественно принадлежитъ Юрію Владиміровичу Долгорукому, построившему здѣсь цѣлый рядъ городовъ, куда онъ сводилъ народонаселеніе изъ разныхъ мѣстъ, изъ разныхъ племенъ: это новонаселенная область, эти новые города обязаны были князю своимъ политическимъ существованіемъ, были его собственностію, князь былъ здѣсь хозяиномъ полновластнымъ, здѣсь не было мѣста никакой неопредѣленности въ отношеніяхъ. Среди этого-то новаго міра, на этой-то новой почвѣ родился, выросъ и возмужалъ сынъ Юрія Долгорукаго, знаменитый Андрей Боголюбскій. Слишкомъ тридцать лѣтъ прожилъ онъ на сѣверѣ, принялъ на себя

впечатлѣнія окружавшей среды, воспитался въ иныхъ отношеніяхъ, чѣмъ какія существовали между княземъ и городами на югѣ, воспитался въ отдаленіи отъ остальныхъ линій княжескаго рода, въ отчужденіи отъ ихъ привычныхъ интересовъ, и тѣмъ способнѣе слѣдовательно былъ онъ для того, чтобъ выдѣлиться изъ рода, порвать съ нимъ связь. И вотъ когда въ зрѣломъ мужествѣ явился онъ на югъ, то чуждъ и враждебенъ показался онъ ему; онъ спѣшилъ удалиться на свой родной сѣверъ, и когда досталось ему старшинство въ цѣломъ родѣ, когда всѣ князья признали его Великимъ княземъ, Андрей обнаруживаетъ попытку къ перемѣнѣ существующаго порядка вещей, имѣя, по отношеніямъ своимъ къ сѣверному народонаселенію, полную свободу дѣйствовать и привыкнувъ пользоваться этою свободою, что давало ему и силу матеріальную, и сообщало единство и постоянство его стремленіямъ. Андрей перемѣняетъ обращеніе съ младшими князьями-родичами; послѣдніе изумились этой перемѣнѣ, поняли всю опасность для себя отъ нея и вооружились противъ новизны: «мы признали тебя старшимъ, говорили они Андрею, а ты поступаешь съ нами не какъ съ родственниками, но какъ съ *подручниками*. Роковое слово было произнесено, слово новое для выраженія понятія новаго, понятія подручника, подданнаго вмѣсто родича. Но этого мало: ставши Великимъ княземъ, старшимъ въ родѣ, Андрей не поѣхалъ на югъ, въ Кіевъ, стольный городъ, всѣхъ прежнихъ Великихъ Князей, онъ остался на сѣверѣ въ своей прежней волости, и оттуда распоряжался дѣлами юга.

Примѣръ поданъ, почва приготовлена для новаго порядка вещей; и сѣверные князья, преемники Андрея

слѣдуютъ его примѣру, пользуются приготовленными имъ средствами: они не обращаютъ вниманія на родовыя отношенія, родовые счеты, смотрятъ на себя какъ на владѣльцевъ отдѣльныхъ областей; не переходятъ изъ одной волости въ другую, но постоянно живутъ въ одной; Великіе Князья, пользуясь старшинствомъ, заботятся о томъ, какъ бы усилить свои матеріальныя средства, удержать власть и силу въ своей семьѣ, дать первенство своему княжеству, увеличить его на счетъ другихъ; младшіе князья хорошо понимаютъ стремленія Великихъ Князей, противоборствуютъ имъ всѣми средствами; но когда одинъ изъ младшихъ достигнетъ старшинства, то начинаетъ дѣйствовать точно также, какъ его предшественникъ, противъ котораго онъ самъ прежде вооружался. Понятно, что такой великій переворотъ не могъ совершиться скоро; для этого нужны были вѣка борьбы постоянной и кровавой. Наконецъ княжество Московское въ слѣдствіе разныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ пересиливаетъ всѣ остальныя; Московскіе Князья начинаютъ собирать русскую землю: постепенно подчиняютъ и потомъ присоединяютъ они къ своему владѣнію остальныя княжества, постепенно въ собственномъ родѣ ихъ родовыя отношенія уступаютъ мѣсто государственнымъ, удѣльные князья теряютъ права свои одно за другимъ.

Характеръ явленій, которыя мы видѣли на сѣверѣ, условливался также самимъ характеромъ народонаселенія сѣвернаго. Природа роскошная, съ лихвою вознаграждающая и слабый трудъ человѣка, усыпляетъ дѣятельность послѣдняго какъ тѣлесную, такъ и умственную; пробужденный разъ вспышкою страсти, онъ можетъ оказать чудеса, но такое напряженіе силъ не бы-

ваетъ продолжительно. Природа болѣе скупая на свои дары, требующая постояннаго и не легкаго труда со стороны человѣка, держитъ послѣдняго всегда въ возбужденномъ состояніи: его дѣятельность не порывиста, но постоянна; постоянно работаетъ онъ умомъ, неуклонно стремится къ своей цѣли; понятно, что народонаселеніе съ такимъ характеромъ въ высшей степени способно положить среди себя крѣпкія основы государственнаго быта, подчинить своему вліянію народы окружные, отличающіеся другимъ характеромъ: таково народонаселеніе сѣверной Руси, какъ оно является въ исторіи. Не смотря на то, что югозападная Русь, преимущественно Кіевская область была главною сценою древней нашей исторіи, пограничность ея, близость къ *полю*, или степи, жилищу варварскихъ кочевыхъ народовъ, дѣлала ее неспособною стать государственнымъ ядромъ для Россіи; отсюда Кіевская область въ началѣ и послѣ носитъ характеръ пограничнаго военнаго поселенія до полнаго государственнаго развитія, начавшагося въ сѣверной Руси. Въ южной Руси, въ области Днѣпровской, зачалась и развилась древняя русская жизнь во всей широтѣ, при всей неопредѣленности отношеній, характеризующей обыкновенное общество юное, только что начавшее жить самостоятельною жизнію. Въ слѣдствіе родовыхъ отношеній, князья съ своими дружинами переходили изъ одного города въ другой; подлѣ, въ степяхъ кочевали азіатскіе хищники, грабившіе Русь; на границахъ степей жили разноименные народцы, составлявшіе переходъ отъ Степняковъ, или Половцевъ къ осѣдлому народонаселенію. Не могши, по слабости своей, быть самостоятельны между Половцами и Русью, всѣ эти народцы примкнули къ послѣдней, стали слу-

жить князьямъ ея и въ войнахъ съ Половцами и въ распряхъ междоусобныхъ, выбирая вмѣстѣ съ гражданами князей, которые были имъ любы или которые были сильны. Таковы были составныя части народонаселенія въ древней Руси; но все это было, выражаясь словами поэта, только еще *несогласныя начала вещей* въ общественномъ хаосѣ (discordia semina rerum): князья съ дружинами жили сами по себѣ, города сами по себѣ, пограничные народцы сами по себѣ. Князья были, большею частію, необыкновенно храбры, умѣли и у себя дома, и въ чужихъ странахъ честь свою взять; дружины уподоблялись своимъ вождямъ; но что значила вся эта храбрость при такомъ безпорядкѣ? Легко было перессорить князей родичей, ничего не стоило разрознить интересы князей съ интересами гражданъ и пограничныхъ народцевъ: вотъ почему древняя южная Русь, не смотря на внѣшній блескъ своего быта, не могла устоять ни противъ стремленія сѣверныхъ князей, потомковъ Долгорукаго, ни противъ натиска азіатской орды. Войска Боголюбскаго опустошили Кіевъ, который принялъ Князя отъ руки завоевателя; при братѣ Боголюбскаго Кіевскіе князья признавались, что не могутъ обойтись безъ могущественнаго сѣвернаго собственника, и когда явились Монголы въ первый разъ, то южная Русь хотя выслала противъ нихъ сонмъ своихъ князей— витязей, но эти князья завели распрю и погубили рать; когда же явились Монголы во второй разъ, то враждебные другъ другу князья умѣли соединиться только въ общемъ бѣгствѣ въ чужія страны; граждане старыхъ городовъ не могли и представить себѣ возможности соединенія, и поодиначкѣ полегли въ развалинахъ. Такова была судьба южной, старой Руси.

Различіе въ характерѣ сѣвернаго и южнаго народонаселенія обозначается примѣтно въ источникахъ нашей исторіи: иностранцы — современники хвалятъ храбрость дружинъ южной Руси: они отличались стремительностію въ нападеніяхъ, но не отличались стойкостію. Противоположные отзывы встрѣчаемъ о населеніи сѣверной Руси: оно не любитъ вообще войны, не отличается стремительностію натиска; но гдѣ нужно стать крѣпко и защищаться, тамъ оно неодолимо; здѣсь на сѣверѣ образовался тотъ русской воинъ, котораго, по извѣстному выраженію, можно убить, но не сдвинуть съ мѣста. Сѣверное русское народонаселеніе, какъ сказано, не отличается въ исторіи порывистыми движеніями; въ поведеніи его мы замѣчаемъ преимущественно медленность, осторожность, постоянство въ достиженіи цѣли; обдуманность, медленность, осторожность въ пріобрѣтеніи, стойкость въ защищеніи пріобрѣтеннаго. Соотвѣтственно характеру народонаселенія все на сѣверѣ принимаетъ характеръ прочности. О дружинахъ южныхъ лѣтописецъ говоритъ, что они храбро бились съ врагами, и *расплодили* русскую землю. Таково точно назначеніе старой, южной Руси: расплодить, распространить русскую землю, намѣтить границы. Но Руси сѣверной выпалъ удѣлъ — закрѣпить пріобрѣтенное, связать, сплотить части, дать имъ внутреннее единство, собрать русскую землю. И вотъ князья сѣверной Руси являются полными представителями своего народа, превосходно выполнить назначеніе сѣверной Руси. Въ ихъ поведеніи мы не замѣчаемъ того блеска, какой видимъ въ поведеніи князей — витязей юга, смотрѣвшихъ на битву, какъ на судъ Божій, и при всякомъ спорѣ прибѣгавшихъ къ этому суду: сѣверные князья — собственники, не любятъ

рѣшать споровъ своихъ оружіемъ, прибѣгаютъ къ нему только въ крайности, или тогда, когда успѣхъ несомнѣненъ, но отъ невѣрной битвы не любятъ ставить въ зависимость того, что̀ пріобрѣтено, примышлено долгими трудами; южные князья прежде всего думаютъ, какъ бы въ битвѣ *взять свою честь*, сѣверные князья прежде всего думаютъ, какъ бы безъ невѣрной битвы получить пользу для своего владѣнія. Всѣ они похожи другъ на друга; въ ихъ безстрастныхъ ликахъ трудно уловить историку характеристическія черты каждаго; всѣ они заняты одною думою, всѣ идутъ по одному пути, идутъ медленно, осторожно, но постоянно, неуклонно; каждый ступаетъ шагъ впередъ предъ своимъ предшественникомъ, каждый приготовляетъ для своего преемника возможность ступить еще шагъ впередъ. Благодаря этой неуклонности, постоянству въ стремленіяхъ сѣверныхъ князей, великая цѣль была достигнута: родовыя княжескія отношенія рушились, смѣнились государственными; въ княжескихъ договорахъ, завѣщаніяхъ мы видимъ ясно постепенность этой смѣны, пока наконецъ въ завѣщаніи Іоанна IV удѣльный князь становится совершенно подданнымъ великаго князя, старшаго брата, который носитъ уже титулъ Царя. Это главное, основное явленіе — переходъ родовыхъ отношеній между князьями въ государственныя, условливаетъ рядъ другихъ явленій. Господство родовыхъ отношеній между князьями имѣло, какъ необходимо слѣдуетъ ожидать, могущественное вліяніе на весь общественный составъ Руси, имѣло могущественное вліяніе на бытъ городовъ, на положеніе дружины: когда родовыя отношенія между князьями начали смѣняться государственными, то эта смѣна должна была

отозваться во всемъ общественномъ организмѣ, должна была повлечь измѣненія и въ бытѣ городовъ, и въ положеніи дружины. Отсюда ясно, что В. Князья московскіе, въ своихъ государственныхъ стремленіяхъ, должны были встрѣтить сопротивленіе не состороны одвихъ Князей—родичей, но со стороны всего того, что получило свое бытіе или, по крайней мѣрѣ, поддерживалось родовыми княжескими отношеніями. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ привычка дружинниковъ переходить отъ одного Князя къ другому , которую они пріобрѣли въ то время, когда землею владѣлъ нераздѣльно цѣлый родъ княжескій, и которую они должны были потерять, когда явилось единовластіе; не имѣя теперь возможности переходить отъ одного Князя къ другому въ русской землѣ, многіе изъ дружинниковъ считали себя въ правѣ отъѣзжать къ чужимъ государямъ; къ этимъ противугосударственнымъ стремленіямъ дружинниковъ присоединялись еще противугосудартвенныя стремленія потомковъ прежнихъ Князей, которые продолжали питать вражду къ новому порядку. Борьба со всѣми этими стремленіями и была причиною тѣхъ печальныхъ явленій, которыя имѣли мѣсто въ царствованіе Іоанна IV-го. Во время этой борьбы Іоаннъ IV-й задалъ вопросъ одному изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ старины, князю Курбскому: «что лучше—настоящій ли порядокъ вещей, когда государство успокоилось, пришедши въ порядокъ при единомъ государѣ, или прежнее время, когда усобицы терзали землю?» На этотъ вопросъ отвѣчалъ не Курбскій; на него отвѣчала вся земля, всё Московское государство. Но прежде нежели обратимся къ этому отвѣту, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ про-

изошла великая перемѣна въ жизни русскаго общества, и о слѣдствіяхъ этой перемѣны во внѣшнихъ отношеніяхъ.

Мы видѣли, что русское государство, основанное на границѣ Европы съ Азіею, должно было вести постоянную борьбу съ степными варварами. Отъ половины IX-го вѣка до сороковыхъ годовъ XIII-го въ этой борьбѣ не было перевѣса ни на сторонѣ кочевыхъ ордъ, ни на сторонѣ Славянскихъ племенъ, объединенныхъ подъ именемъ Руси. Печенѣги и за ними Половцы наносятъ иногда сильныя опустошенія приднѣпровью; но за то иногда и русскіе князья входятъ въ глубь степей ихъ, за Донъ, и плѣнятъ ихъ вежи. Но отъ сороковыхъ годовъ XIII вѣка до исхода XV берутъ перевѣсъ Азіатцы, въ лицѣ Монголовъ. Не имѣя тѣхъ прочныхъ основъ государственнаго быта, какими обладала сѣверная Русь, — южная Русь, послѣ Монгольскаго опустошенія, подпала подъ власть князей литовскихъ. Это обстоятельство не было гибельно для народности южнорусскихъ областей, потому что Литовскіе завоеватели приняли русскую вѣру, русской языкъ, все оставалось по старому; но гибельно было для русской жизни на югозападѣ соединеніе всѣхъ литовскихъ владѣній съ Польшею, въ слѣдствіе восшествія на Польскій престолъ Литовскаго Князя Ягайла. Съ этихъ поръ югозападная Русь должна была вступить въ борьбу съ Польшею, за свою народность, основою которой была вѣра; успѣхъ этой борьбы, возможность для югозападной Руси сохранить свою народность, условливались ходомъ дѣлъ въ сѣверной Руси, ея самостоятельностію и могуществомъ. Монголы опустошили значительную часть сѣверной Руси, наложили дань на жителей, заставили Князей брать отъ

своихъ хановъ ярлыки на княженія. Такъ какъ для насъ предметомъ первой важности была смѣна стараго порядка вещей новымъ, переходъ родовыхъ княжескихъ отношеній въ государственныя, отъ чего зависѣло единство, могущество Руси и перемѣна всего внутренняго порядка, и такъ какъ начало новаго порядка вещей на сѣверѣ мы замѣчаемъ прежде Монголовъ, то Монгольскія отношенія должны быть важны для насъ въ той мѣрѣ, въ какой содѣйствовали или препятствовали утвержденію этого новаго порядка вещей. Мы замѣчаемъ, что вліяніе Монголовъ не было здѣсь главнымъ и рѣшительнымъ. Монголы остались жить вдалекѣ, заботились только о сборѣ дани, нисколько не вмѣшиваясь во внутреннія отношенія, оставляя все какъ было, слѣд. оставляя въ полной свободѣ дѣйствовать тѣ новыя отношенія, какія начались на сѣверѣ прежде нихъ. Ярлыкъ ханскій не утверждалъ неприкосновеннымъ на столѣ ни Великаго, ни Удѣльнаго Князя, онъ только обезпечивалъ волости ихъ отъ Татарскаго нашествія; въ своихъ борьбахъ Князья не обращали вниманія на ярлыки: они знали, что всякій, кто свезетъ больше денегъ въ Орду, получитъ ярлыкъ преимущественно предъ другими и войско на помощь. Независимо отъ Монголовъ обнаруживаются на сѣверѣ явленія, знаменующія новый порядокъ, именно ослабленіе родовой связи, возстаніе сильнѣйшихъ Князей на слабѣйшихъ мимо всѣхъ родовыхъ правъ и счетовъ, стараніе пріобрѣсти средства къ усиленію своего княжества на счетъ другихъ; Монголы въ этой борьбѣ являются для Князей только орудіями. Когда борьба кончилась усиленіемъ одного княжества на счетъ всѣхъ другихъ, то новое государство пользуется своимъ единствомъ и

силою *для* того, чтобъ побѣдить Монголовъ и начать наступательное движенiе на Азiю. Съ другой стороны, усиленiе сѣверной Руси въ слѣдствiе новаго порядка вещей, условливаетъ успѣшную борьбу ея съ Королевствомъ Польскимъ, постоянною цѣлiю которой становится соединенiе обѣихъ половинъ Руси подъ одною державою; наконецъ, соединенiе частей, единовластiе, окончанiе внутренней борьбы даетъ сѣверной Руси, или Московскому государству, возможность войти въ сношенiя съ Европейскими государствами, приготовлять себѣ мѣсто среди нихъ. Въ такомъ положенiи находилась Русь въ концѣ XVI вѣка, когда пресѣклась Рюрикова династiя.

Чтеніе четвертое.

Въ прошлыхъ бесѣдахъ я упоминалъ о томъ главномъ явленіи нашей исторіи, что племена Славянскія, поселившіяся изначала на западѣ, выселялись постепенно на востокъ; слѣдовательно историку Русскому, при объясненіи явленій отечественной исторіи, никакъ не должно упускать изъ виду этого важнаго обстоятельства, этого постепеннаго заселенія дикихъ, пустынныхъ странъ. Но обыкновенное явленіе, сопровождающее всегда колонизацію, есть борьба, которую должны выдерживать колонисты съ прежнимъ варварскимъ населеніемъ: отсюда и въ нашей исторіи эта постоянная борьба съ жителями степей. Но мало того: для государства, которое образовалось съ помощію колонизаціи, населеній, необходимо предстояла борьба съ другимъ элементомъ, полуварварскимъ, ибо нѣкоторые передовые отряды населенія, вдававшагося все глубже и глубже въ пустыни, дичаютъ уже по тому самому, что, оторвавшись отъ государства, находятся въ ближайшихъ сношеніяхъ съ дикарями. Отсюда Русскому обществу, которое образовалось посредствомъ колонизаціи, необходимо было выдержать сильную борьбу, съ одной стороны, съ Азіатскими кочевыми ордами, съ другой, съ

тѣми одичалыми передовыми отрядами, которые хотя иногда сами оказывали большую помощь государству, ратуя противъ степныхъ кочевниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи полудикарями, враждебно смотрѣли на установленіе государственнаго порядка, и съ своей стороны, не менѣе Азіатскихъ ордъ причиняли бѣдствій юному государству. Вредная дѣятельность этого пограничнаго народонаселенія оказалась преимущественно въ началѣ XVII вѣка, когда на государство Русское послано было страшное испытаніе. Династія Рюрикова, давшая столько нарядниковъ Русской землѣ, пресѣклась; крамолою свергнутъ былъ Годуновъ, крамолою возведенъ и свергнутъ Шуйскій; нарушена была духовная и матеріальная связь областей съ правительственнымъ средоточіемъ, части разрознились въ противоположныхъ стремленіяхъ, земля замутилась. Тогда-то открылось свободное поприще дѣйствовать тѣмъ, которые не хотѣли установленія наряда, тѣмъ полудикимъ толпамъ, которыя основали свое пребываніе на границахъ государства; онѣ кинулись съ разныхъ сторонъ на послѣднее; къ нимъ пристали внутри государства тѣ, которымъ хотѣлось также жить на счетъ государства. Польша выслала въ Московское государство толпы своихъ отверженниковъ общества. Началась страшная борьба, въ которой новорожденному Московскому государству надлежало, повидимому, погибнуть; ибо со всѣхъ сторонъ сыпались на него страшные удары, которые трудно было выдержать, а между тѣмъ общественныя основы, на которыя оно могло опереться, часъ отъ часу слабѣли болѣе и болѣе. Негдѣ было искать спасенія. Лучшіе, энергическіе люди, около которыхъ можно было сосредоточиться, погибли жертвами безпарядья; лю-

ди, разрознившіе свои интересы съ интересами государства, брали явно верхъ. Но въ это-то страшное время оказалась вся сила, все дѣйствіе того порядка вещей, который окончательно утвердился при московскихъ государяхъ. Единство религіозное и государственное были такъ сильны, что, не смотря на всѣ удары, на всѣ бѣдствія, общество умѣло соединиться повидимому безъ всякихъ внѣшнихъ средствъ, соединиться духовно, внутренне, руководствуясь привычнымъ стремленіемъ къ единству религіозному и государственному. Земля собралась и очистила государство; народъ, по современному выраженію, всталъ какъ одинъ человѣкъ для этого очищенія. Тогда-то данъ былъ отвѣтъ на вопросъ Іоанна IV Курбскому: что̀ лучше, прежнее время, когда земля гибла въ междоусобіяхъ, или настоящее, когда она успокоилась единовластіемъ? Послѣ страшнаго испытанія, земля даетъ торжественный отвѣтъ на этотъ вопросъ: Земскій совѣтъ объявляетъ, чтобы все было такъ, какъ было при прежнихъ великихъ государяхъ, и выбираетъ новую династію.

Бѣдственно было однако состояніе государства послѣ этого великаго испытанія; силы его были истощены. Молодой царь, котораго избрала земля, спрашивалъ у пословъ земскаго совѣта: гдѣ же средства для управленія государствомъ? гдѣ ручательство, что прежнія смуты не повторятся. Послы выставили ручательствомъ то, что всѣ люди московскаго государства уже *наказались*, т. е. узнали по опыту пользу прежнихъ государственныхъ стремленій, узнали, для кого нужны были смуты, самозванцы, кто ихъ поддерживалъ. И точно, по вступленіи на престолъ царя изъ новой династіи, Московское государство показало явно, что его

жители *наказались* уже. Не смотря на страшное разстройство силъ государственныхъ, не смотря на то, что при такомъ разстройствѣ, государство должно было еще бороться съ сильными врагами внутренними и внѣшними, первому государю изъ новой династіи удалось успокоить землю. Во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ онъ созываетъ Соборы, и всегда находитъ здѣсь нужный совѣтъ и средства для установленія порядка.

Царствованіе перваго государя изъ новой династіи протекло въ этомъ установленіи наряда. Но кромѣ установленія наряда, мы должны обратить вниманіе на тѣ новыя стремленія и новыя потребности, которыя высказались при этомъ. Еще гораздо прежде, и особенно во время смутъ, московское государство узнало, что для успѣшной борьбы со внѣшними и внутренними врагами необходимо было перемѣнить военный строй, потому что при старомъ строѣ русскія войска оставались почти всегда побѣжденными. И вотъ въ царствованіе перваго государя изъ новой династіи начинаются преобразованія: при Михаилѣ Ѳедоровичѣ уже видимъ полки, набранные изъ иностранцевъ. Но этого мало: при немъ же видимъ и русскіе полки, выученные иностранному строю; образовались конные—рейтарскіе, драгунскіе полки, пѣхотные солдатскіе. Окончательное преобразованіе войска совершилось въ XVIII вѣкѣ. Но это преобразованіе военнаго строя вело необходимо къ болѣе важнымъ преобразованіямъ; оно должно было перемѣнить отношенія прежняго разряда ратныхъ людей, носившихъ названіе *дворянъ и дѣтей боярскихъ*, должно было перемѣнить и отношенія тѣхъ родовъ, которые вслѣдствіе мѣстничества выдвинулись

на первыя мѣста въ государствѣ. Западныя Европейскія государства образовались посредствомъ того, что варвары завоеватели вступили на Римскую почву, вслѣдствіе чего начало, принесенное Германцами, пришло въ столкновеніе съ государственнымъ началомъ, завѣщаннымъ Римскою Имперіею. У насъ также видимъ дружину, но она вступила на почву дѣвственную, гдѣ никакое государство не оставило слѣдовъ своихъ. У насъ дружина должна была войти въ столкновеніе съ племенами, которые жили подъ формами родоваго быта; отсюда необходимое столкновеніе начала дружиннаго, начала служебнаго съ началомъ родовымъ, отъ чего произошло извѣстное явленіе—*мѣстничество*. Мы видѣли, какъ сильно было родовое начало; если оно такъ долго господствовало въ междукняжескихъ отношеніяхъ, то должно было господствовать и въ отношеніяхъ дружинныхъ. Но теперь, упадокъ родовыхъ отношеній вообще, смѣна ихъ государственными и необходимость новаго военнаго устройства должны были повести къ уничтоженію мѣстничества, и вотъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, на Соборѣ оно было проклято, *какъ Богу ненавистное дѣло*. За уничтоженіемъ мѣстничества должно было послѣдовать то явленіе, что всѣ разряды служилыхъ людей, безъ исключенія извѣстныхъ родовъ, которые только вслѣдствіе мѣстничества составили изъ себя что то замкнутое, недоступное для другихъ, — всѣ разряды служилыхъ людей должны были составить одно сословіе, одно тѣло съ равными правами для всѣхъ его членовъ. Должно было явиться дворянское сословіе. Но преобразованіе военнаго строя должно было вести къ другой перемѣнѣ въ бытѣ ратныхъ людей. До сихъ поръ, только при объявленіи войны они должны были

являться въ полки, но въ мирное время, живя въ своихъ помѣстьяхъ, они участвовали, наравнѣ съ остальнымъ народонаселенiемъ, во всѣхъ явленiяхъ областной жизни. Теперь же, когда оказалась нужда измѣнить военный строй, учредить постоянное войско, то служивые люди не могли уже оставаться въ своихъ помѣстьяхъ; они должны были выдѣлиться изъ общей областной жизни, составить особенное сословiе, особое тѣло.

Въ это же время, при первыхъ государяхъ новой династiи, подтверждено было и то учрежденiе, которое также имѣло мѣсто по отношенiю къ потребностямъ служилыхъ людей. Здѣсь опять мы должны обратить вниманiе на то явленiе, которое имѣетъ такое важное значенiе въ нашей исторiи, на эту обширность и малонаселенность областей Россiи, и на постоянное стремленiе населить ихъ. Мы замѣтили это стремленiе съ самаго начала русской исторiи. На сѣверѣ оно продолжалось. Князья даютъ своимъ подданнымъ большiе участки земли, даютъ большiя льготы тѣмъ изъ нихъ, которые привлекутъ на эти участки населенiе изъ чужихъ областей. Но когда отдѣльныя области вошли въ составъ одного государства, то стремленiе землевладѣльцевъ увеличивать населенiе своихъ участковъ въ ущербъ другимъ, явилось въ противоположности съ интересами государства: владѣльцы большихъ земельныхъ участковъ разными льготами перезывали къ себѣ крестьянъ съ малыхъ участковъ, розданныхъ въ помѣстья ратнымъ людямъ, которые за это обязаны были по первому зову правительства являться въ полки въ полномъ вооруженiи, на коняхъ, и приводить съ собою извѣстное число вооруженныхъ людей, смотря по величинѣ помѣстья.

Но ясно, что если это помѣстье не имѣло надлежащаго числа крестьянъ, перезываемыхъ постоянно на участки богатыхъ вотчинниковъ, то помѣщикъ, не получая доходовъ, не могъ исполнять своихъ обязанностей, не могъ являться на войну въ исправности. Это заставляло правительство принимать мѣры къ воспрепятствованію перехода крестьянъ отъ одного землевладѣльца къ другому. Указанія на эти мѣры мы видимъ ясно въ концѣ xvi вѣка; въ xvii вѣкѣ государи изъ новой династіи подтверждаютъ ихъ вслѣдствіе жалобъ мелкихъ помѣщиковъ на то, что богатые вотчинники перезываютъ ихъ крестьянъ на свои земли. Если жалобы мелкихъ владѣльцевъ продолжаются и имѣютъ своимъ слѣдствіемъ мѣры правительства къ удержанію крестьянъ на постоянныхъ мѣстахъ жительства, то мы имѣемъ полное право заключать, что и въ xvi вѣкѣ эти мѣры являются вслѣдствіе тѣхъ же жалобъ.

Но однимъ начальнымъ преобразованіемъ военнаго строя не ограничились первые государи новой династіи. Были и другія, столь же важныя, нудящія потребности. Мало было завести постоянное войско, нужно было содержать его; нужно было умножить доходы государства. Главнымъ источникомъ доходовъ должна быть промышленность, торговля; и вотъ уже при первомъ государѣ новой династіи видимъ вызовъ изъ за границы ремесленниковъ, людей способныхъ завести разные промыслы. Правительство требуетъ отъ нихъ, чтобы они выучили и Русскихъ своимъ мастерствамъ, утвердили ихъ въ Россіи. Такъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ видимъ, что Правительство даетъ 10, 15, 20 лѣтнія привиллегіи тѣмъ изъ иностранцевъ, которые захотятъ завести въ Россіи фабрики и заводы; при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ

были заведены кожевенные, стеклянные, канительные, желѣзные заводы. Около Астрахани и на Терекѣ заведено винодѣліе и шелководство.

Но не однихъ ремесленниковъ и фабрикантовъ вызывало Правительство. Были другія потребности, которымъ можно было удовлетворить только утвержденіемъ науки, и вотъ Михаилъ призываетъ извѣстнаго ученаго Олеарія, и пишетъ къ нему: «мы знаемъ, что ты человѣкъ ученый, что ты географъ, астрономъ, землемѣръ; а намъ такія люди нужны.« Если дѣду понадобился географъ, астрономъ и землемѣръ, то неудивительно, что внуку понадобилась Академія Наукъ. Но просвѣщеніе необходимо было не для удовлетворенія однимъ только матеріальнымъ потребностямъ государства; оно было необходимо для очищенія нравовъ: выборные, явившіеся на Соборъ по случаю взятія Азова казаками, въ своихъ отвѣтахъ или сказкахъ, показали ясно необходимость главнаго улучшенія, улучшенія нравственности, указали ясно на главное зло, отъ котораго страдало общество и которое препятствовало утвержденію государственнаго порядка — на своекорыстное стремленіе отдѣльныхъ интересовъ противъ интереса государственнаго. Противъ этого зла сильно ратовалъ внукъ Михаила, и вотъ въ вѣкъ Екатерины II-й было найдено, что его можно устранить только просвѣщеніемъ, только просвѣщеннымъ, нравственнымъ воспитаніемъ; вѣкъ Екатерины откликнулся на требованія, высказанныя при первомъ государѣ новой династіи. Но при этой потребности очищенія нравственности народной, не могло молчать то сословіе, которое было поставлено хранителемъ чистоты нравственной, не могла молчать церковь, и вотъ въ царствованіе

трехъ первыхъ государей новой династіи церковь требуетъ просвѣщенія для улучшенія народной нравственности. Прочтемъ окружное посланіе Ростовскаго Митрополита Іоны, дѣянія и правила Соборовъ 1647 и 1681 г., и мы удивимся тождественности этихъ правилъ съ тѣми правилами, которыя являются при Петрѣ и его преемникахъ. Здѣсь и тамъ указывается на одно зло, указывается и одно средство для его уничтоженія.

Но церковь имѣла и другія причины требовать просвѣщенія: явились расколы — слѣдствіе невѣжества и грубости нравовъ, мало того: вслѣдствіе ближайшей связи съ Польшею и другими сосѣдними государствами, явились стремленія другихъ вѣроисповѣданій — католицизма и протестантизма войти въ Московское государство. Православной церкви нужно было бороться, съ одной стороны, съ своими раскольниками, съ другой съ католиками и протестантами. Единственнымъ средствомъ къ охраненію чистоты православнаго ученія было просвѣщеніе, и вотъ, и свои пастыри и восточные патріархи, пріѣзжавшіе въ Россію громко требуютъ заведенія школъ. Восточные патріархи, явившіеся по дѣлу Никона, увѣщеваютъ народъ полюбитъ науку, увѣщеваютъ пастырей церкви содѣйствовать всѣми силами къ ея распространенію, въ слѣдствіе чего уже въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича заведено было при Патріархѣ Филаретѣ первое училище, а въ царствованіе третьяго государя изъ новой династіи, Ѳеодора Алексѣевича, при болѣе сильныхъ потребностяхъ, заведена была Славено-Греко-Латинская Академія, и этой Академіи церковь поручила блюсти за чистотою православнаго ученія.

Такъ при трехъ первыхъ государяхъ новой династіи, въ теченіи XVII вѣка, обозначились явно новыя по-

требности государства и призваны были тѣ же средства для ихъ удовлетворенія, которыя были употреблены въ xvii вѣкѣ, въ такъ называемую эпоху преобразованія.

Но, говоря объ этой дѣятельности, мы не можемъ не упомянуть именъ трехъ главныхъ дѣятелей, содѣйствовавшихъ означенному направленію, именъ Никона, Ордина-Нащокина и Матвѣева. Никонъ по своей энергіи и ясному взгляду могъ лучше другихъ понимать потребности церкви и удовлетворять имъ. При немъ были исправлены книги. Насъ приверженцы невѣжества называютъ Никоніанцами, и это названіе требуетъ, чтобы мы съ благодарностью вспоминали о Никонѣ. Кромѣ того онъ отличался неусыпными стараніями о чистотѣ нравственности, объ утвержденіи благочинія въ церквахъ, монастыряхъ, вслѣдствіе чего должна была улучшиться и нравственность самого народа. Что касается до двухъ поименованныхъ нами свѣтскихъ лицъ, то сынъ бѣднаго Псковскаго дворянина, Ординъ-Нащокинъ, достигъ личными достоинствами до высшихъ государственныхъ степеней: онъ былъ Хранителемъ государственной печати, что соотвѣтствуетъ настоящему званію Министра Иностранныхъ дѣлъ. На этомъ важномъ постѣ Нащокинъ понималъ новыя потребности Московскаго государства, понималъ ясно, что Посольскій приказъ, находившійся подъ его вѣдѣніемъ, долженъ былъ перемѣнить свой характеръ, вслѣдствіе болѣе тѣснаго сближенія съ государствами Европейскими. Понимая необходимость преобразованія, онъ вооружался противъ тѣхъ лицъ, которые, служа въ Посольскомъ Приказѣ, не имѣли понятія о внѣшнихъ сношеніяхъ, и развлекались другими, несовмѣстными съ ихъ положеніемъ занятіями; понимая важное значеніе По-

сольскаго Приказа, Нащокинъ называлъ его окомъ Россіи, которымъ она должна смотрѣть на другія государства, — и требовалъ, чтобъ око это было чисто; потребность преобразованія Посольскаго Приказа была дознана еще при Царѣ Михаилѣ, когда важное дѣло при Датскомъ дворѣ было поручено иностранцу Марселису, по неспособности Русскихъ пословъ. Объ образованности самого Нащокина свидѣтельствуютъ иностранцы; они говорятъ, что онъ не уступалъ въ немъ ни одному изъ современныхъ иностранныхъ министровъ. О широтѣ плановъ Нащокина свидѣтельствуютъ его намѣренія относительно торговли съ востокомъ; онъ хотѣлъ, чтобъ Россія была средоточіемъ торговли между Европою и Азіею, — желаніе, которое хотѣлъ потомъ исполнить Петръ Великій. Нащокинъ заключилъ договоръ съ Армянскою компаніею, вслѣдствіе котораго Армяне, жившіе въ Персіи, обязывались весь шелкъ, собираемый въ Персидскихъ областяхъ, доставлять исключительно на Русскіе рынки. Нащокинъ заботился также и о заведеніи Русскаго флота. Неблагопріятныя обстоятельства помѣшали Русскимъ овладѣть прибалтійскими провинціями въ царствованіе Алексѣя Михайловича; первый Русскій корабль назначенъ былъ для Востока, для Каспійскаго моря, для Волги. Знаменитый Орелъ былъ сожженъ казаками Разина, но мысли о заведеніи флота нельзя было истребить; — она приведена въ исполненіе Петромъ. Скажемъ и о Матвѣевѣ. Матвѣевъ, подобно Нащокину, понималъ ясно новыя потребности государства, и стремился удовлетворить имъ. Что было всего важнѣе въ обоихъ этихъ людяхъ, такъ это то, что они умѣли показать превосходство просвѣщенія на самихъ себѣ. Ординъ-Нащокинъ былъ человѣкъ вы-

сокой правственности; до насъ дошла грамота, въ которой Царь жалуетъ его мѣстомъ, и при этомъ, послѣ подвиговъ гражданскихъ вычисляетъ его высокіе христіанскіе подвиги; съ службою государственною онъ умѣлъ соединить служеніе страждущей меньшей братіи. Окончивъ государственную дѣятельность, Ординъ-Нащокинъ постригся въ монахи, но и здѣсь показалъ онъ, какъ понималъ обязанности инока христіанскаго: онъ завелъ больницу, приставилъ къ ней монаховъ и самъ служилъ больнымъ. О Матвѣевѣ отзываются иностранцы, что человѣкъ, котораго народъ называетъ своимъ отцомъ, выше всякой похвалы. Матвѣевъ показалъ свой ясный взглядъ, свою энергію въ военной и гражданской службѣ; онъ пользовался неограниченною довѣренностью Царя Алексѣя Михайловича, участвовалъ съ пользою почти во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ его царствованія, а извѣстно, что это царствованіе было обильно важными явленіями. Матвѣеву Московское Государство обязано было устроеніемъ отношеній между Великороссіею и Малороссіею; онъ часто бывалъ въ Малороссіи, зналъ природу страны и былъ способенъ опредѣлить ея отношенія къ Великой Россіи. Столь же велики заслуги его и на поприщѣ дипломатическомъ; занимаясь отношеніями Европейскими, онъ подобно Нащокину, не спускалъ глазъ съ Востока, завелъ сношенія съ Китаемъ, пославши туда переводчика Спафари; наказъ, данный Спафари Матвѣевымъ показываетъ всего лучше ясный взглядъ этого государственнаго человѣка. Но кромѣ того, дѣятельность Матвѣева важна и въ другихъ отношеніяхъ. По отзыву иностранцевъ, онъ былъ образованнѣйшій человѣкъ изъ своихъ современниковъ, старался, чтобъ и сынъ его былъ

также образованъ, онъ первый украсилъ свой домъ произведеніями искусствъ; у Матвѣева у перваго рушилась преграда, отдѣлявшая дотолѣ семейство хозяина отъ гостей; къ нему собирались не для однихъ только пировъ, но и для умной, трезвой бесѣды, и въ этихъ бесѣдахъ принимала участіе хозяйка дома, жена Матвѣева; дѣвушка, воспитанная въ домѣ Матвѣева, перешла отсюда на престолъ. Легко понять, какъ она могла дѣйствовать на бытъ при дворѣ. Но этотъ бытъ долженствовалъ измѣниться еще и прежде, вслѣдствіе сильнаго вліянія, которое имѣлъ Матвѣевъ, какъ другъ Царя. До насъ дошло письмо Алексѣя Михайловича къ Матвѣеву: «пріѣзжай поскорѣе, пишетъ Царь, мои дѣти осиротѣли безъ тебя, мнѣ не съ кѣмъ посовѣтоваться.» И мы не можемъ не замѣтить плодовъ этого вліянія— мы видимъ большую перемѣну въ бытѣ двора, которая объясняетъ намъ воспитаніе и дѣятельность Петра. Явленіе сестры его Софіи также объясняется отсюда: Софія воспитана уже совершенно иначе, нежели прежнія царевны, затворницы въ своихъ теремахъ; слѣд. явленіе Софіи объясняется изъ тѣхъ же причинъ, какъ и явленіе Петра, и оба явленія объясняютъ другъ друга. Все уже носитъ характеръ новый, все показываетъ важныя преобразованія, которыя явились прежде преобразованій Петровыхъ и которыя объясняютъ ихъ.

Такова была дѣятельность трехъ первыхъ Государей новой династіи, имѣвшая мѣсто въ продолженіе XVII вѣка. Здѣсь на границѣ двухъ эпохъ, двухъ столѣтій, намъ должно остановиться. Но мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ о томъ отношеніи, которое имѣетъ настоящій порядокъ вещей къ этимъ двумъ эпохамъ. Мы видѣли, какъ въ продолженіе XVII вѣка являлись гром-

кія требованія преобразованія, требованія просвѣщенія, науки, для обороны вѣры, для улучшенія нравственности. Въ XVIII вѣкѣ этимъ требованіямъ старались удовлетворить. Наука, просвѣщеніе, были утверждены, и въ нашъ вѣкъ принесли свой необходимый плодъ—народное самопознаніе. Теперь, безспорно, самопознаніе является для насъ одною изъ первыхъ потребностей. Теперь признано, что интересъ отечественной исторіи сталъ главнымъ интересомъ нашей ученой литтературы; мы видимъ, какъ постоянно новые таланты посвящаютъ себя занятію отечественною исторіею, видимъ, какъ со всѣхъ сторонъ обширнаго отечества собираются памятники, которые должны уяснить наше прошедшее. Вотъ плоды дѣятельности XVII и XVIII вѣковъ. Но самопознаніе по природѣ своей не исключительно, не односторонне, требуетъ всѣхъ знаній, утверждается на нихъ, питается ими. Теперь при этомъ стремленіи къ самопознанію, не можетъ быть спора объ отношеніяхъ XVII и XVIII вѣковъ: къ вѣкамъ предшествовавшимъ, XIX вѣкъ показалъ отношеніе ихъ; плодъ науки, просвѣщенія — самопознаніе народное примиряетъ, соединяетъ древнюю и новую Россію.

Но стремленіе къ просвѣщенію явилось не въ XVII только вѣкѣ; оно явилось гораздо прежде. Священное преданіе о необходимости просвѣщенія звучитъ изъ глубины XII вѣка; оно пришло не изъ чужа, оно пришло вмѣстѣ съ свѣтомъ божественной истины, и изъ вѣка въ вѣкъ передавалось оно, какъ завѣтъ отъ предковъ къ потомкамъ. Когда только еще образовалось русское общество, когда части его находились еще въ броженіи и борьбѣ, тогда въ тѣсной кельи монастыря началась наша лѣтопись, и вотъ лѣтописецъ, начавъ разсказъ о

томъ, какъ пошла русская земля, какъ образовалось русское общество, на первыхъ страницахъ своего труда написалъ эти простыя, но безсмертныя слова: «велика бываетъ польза отъ ученья книжнаго». Вотъ священный завѣтъ, полученный нами отъ предковъ, и историкъ русскій XIX вѣка, если хочетъ быть вѣренъ своему народу, своей исторіи, долженъ повторить слова лѣтописца XII вѣка: велика бываетъ польза отъ ученья книжнаго и велика бываетъ польза отъ народнаго самопознанія!

